

Estica A5744

ESTICA

A-5744

РУССКАЯ

КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ДЕРПТСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ВЫПУСКЪ III-й.

Карамзинъ: Письма русскаго путешественника.

ДЕРПТЬ.

ТИПОГРАФИИ Г. ЛААГМАННА.

1872.

Дозволено цензурою. Дерптъ, 5-го Октября 1872 г.

ESTICA

5744

Est.

6147

Тверь, 18 Мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что не смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—

на окно, подъ которымъ сиживалъ я, подгорюнившись въ припадкахъ свой меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, расстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало

сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливейшимъ изъ смертныхъ!

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли, а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карриатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говорить Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Рига, 31 Мая 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу и остановился въ Hôtel de Pétersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ известна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастью, ѣхать изъ Петербурга на перекладныхъ, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ

меня лишнее, на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ, какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то полицейскій и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказала я съ притворнымъ равнодушіемъ и вернулся въ плацъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О если бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы — которое настраиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно,

явился хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ — вотъ нашъ домъ — батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.» — Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по дорожному и весь мокръ. — «Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платьѣ дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйста!» — Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей — разумѣется для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взяли за руки и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашель я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, потчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. «Нѣтъ, еще постоитъ!» сказали мнѣ — и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. «Нашъ, хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его.» *Богъ*

съ вами! примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!* — Я сквозь слезы благодарилъ его и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся въ милыхъ друзьями. — Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго и столь рѣдкая во дни наши! если я когда нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера!*) Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей! —

Почта отъ Нарвы до Риги называется нѣмецкою, для того, что комиссары на станціяхъ нѣмцы. Почтовые дома вездѣ одинакіе — низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ комиссаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть подвѣнадцати и десяти верстъ. Въмѣсто ямщиковъ ѣздятъ отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; рассказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде, какъ въ пятый день. На одной станціи за Дерптомъ надлежало мнѣ но-

*) Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ читалъ Крамеру сіе письмо — онъ былъ доволенъ — я еще больше!

чевать. Г. З**, ѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ настрадалъ меня песчаными прусскими дорогами и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однакожъ мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему счастливаго пути, бросился я на постель, но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой разницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ: одни носятъ черные, а другіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много нѣмецкихъ и даже нѣскольکو славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ нѣмецкія слова смягчаютъ въ произношеніи, изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непроворство, неловкость и недогадливость, всякій долженъ думать, что они, просто сказать, глуповаты.

Сіи бѣдные люди, *работающіе господеву со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма немного по ихъ календарю. Дорога усѣяна корчмами и всѣ онѣ въ проѣздъ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни

пространныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковъ. Избы больше нашихъ и раздѣлены обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служитъ хлѣвомъ. Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе.

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мущины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. *Что городъ, то порозъ; что деревня, то обчай.* — Здѣсь-то живетъ братъ несчастнаго Л.*) Онъ главный пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнить ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ однимъ лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ,

*) Ленца, нѣмецкаго автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими пнѣтческими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

пылкимъ человѣкомъ. «Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и счастливитъ, дѣлаетъ другаго злополучнымъ. Кто, читая поэму шестнадцатилѣтнаго Л. и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа*? Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. Глубокая чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства — и Л. безсмертенъ!»

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговый городъ—много лавокъ, много народа—рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй—биржа полна. Городъ не очень красивъ; улицы узки—но много каменнаго строения, и есть хорошіе дома.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извозчика, который за тринадцать червонцевъ нанялся довести меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ французскимъ купцомъ, который нанялъ у него въ свою коляску четырехъ лошадей; а я поѣду въ кибиткѣ. — Илью отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ

изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался.

Поланга, 5/14 Іюля 1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндію болѣе двухъ сотъ верстъ, вѣхали мы въ Польскія границы и остановились ночевать въ богатой корчмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семьдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время, что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салатомъ, яйца, и за это платили не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. — Дорога довольно пуста. Кромѣ извозчиковъ, которые намъ раза три попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ которыхъ дворяне курляндскіе ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодоносную землю, луга, рощи; тамъ и сямъ маленькія деревеньки и врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ французскимъ италіянцемъ мы ладимъ. Къ французенгѣ у меня не лежитъ сердце для того, что ея физіономія и ухватки мнѣ не нравятся. Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извозчикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Габріелемъ, долженъ нести за нею въ гор-

ницу уборный ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ часть она помадится, пудрится, притирается, такъ что всегда надобно ея дожидаться къ обѣду.

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгій. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ, послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ на берегу и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки? Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистый вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его. — Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ, 17 Іюня 1789
11 часовъ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ-было легъ на постель, но, около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои!

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, пред-

ставлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятный видъ. *Qu'il est beau, ce pays-ci!* твердили мы съ италіянцемъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшной сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что правительству надлежало довольствоваться народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ родится хорошо, въ седьмой годъ худо, и поселянину ѣсть нечего, — отъ того, что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго. — Тильзитъ есть весьма изрядно выстроенный городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоноснѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знатный торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане, для того что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со сморту. Толстый часовой, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпажонка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: *Wer sind Sie?* *Кто вы?* Будучи занятъ разсматриваніемъ его

необыкновенной фizioноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страннѣйшимъ голосомъ: *Wer seid ihr?* гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шатавъ онъ головою, дивясь чудному русскому имени. Съ италіянцемъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ нѣмецкаго языка: толстобрюхій часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизусть вытверженные. Наконецъ я былъ призванъ въ помощь и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили. — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную русскими ядрами.

Въ прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait*, или русскую яичницу, которая съ молочнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. Зато мы съ италіянцемъ пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, который вездѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ, мы услышали лошадиный топотъ, и черезъ полминуты вошелъ человекъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ — на француженку, занятую вечернимъ туалетомъ, на италіянца, рассматри-

вавшего мою дорожную ландарту, и на меня, пившаго чай — скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера и, оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказала: «Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?»

Лиза (*сухая женщина лтъ въ тридцать*). А, господинъ поручикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М*** писалъ ко мнѣ, что у нихъ комедіанты. «Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай!» Чортъ меня возьми! Если бы я зналъ, что за твари эти комедіанты, ни изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуєте комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за доктора Фауста съ Гансъ Вурстомъ.

Лиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшенъ, называютъ. — А что играли комедіанты, господинъ поручикъ?

Поручикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, третій тарачилъ глаза, а путнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ комедіи, г. поручикъ?

Поручикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ.

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожигательницею изволилъ ли быть тамъ?

Поручикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхій дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и пересталъ пялить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Поручикъ. (*Садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника*) Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой! — Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку вина. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, господинъ поручикъ.

Поручикъ (*вошедшему слугѣ своему*) Каспаръ! набей мнѣ трубку. — (*Оборотясь къ французенкѣ*) Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуєте ли вы табакъ?

Французенка. Monsieur! — Qu'est ce qu'il demande. Mr. Nicolas! (*Такъ она меня называетъ*).

Я. S'il peut fumer. — Курите, курите, г. поручикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Французенка. Dites qu'oui.

Поручикъ. А! Мадамъ не говоритъ по-нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, мадамъ. — Откуда ѣдете, если смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, господинъ поручикъ.

Поручикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, г. поручикъ: и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Русскихъ.

Поручикъ. Чортъ меня возьми! Русскіе стоять крѣпко. — Скажу вамъ по приязни, государь мой, что если бы король мой не отговорилъ мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ штабъ-офицеромъ въ русской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. Напримѣръ, племянникъ мой служить старшимъ адъютантомъ у Князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Постоите — я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячъ легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячъ!

Я. Не правда, г. поручикъ.

Поручикъ. Не правда! (*съ насмѣшкою*) Вы конечно, сами тамъ были?

Я. Хотя и не былъ, однакожъ знаю, что Турковъ убито около 8000, а Русскихъ 1500.

Поручикъ. О! я не люблю спорить, государь мой, а что знаю, то знаю. — (*Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка*). Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, г. поручикъ.

Поручикъ. Ваше здоровье, государь мой! — Ваше здоровье, мадамъ! — (*Итальянцу*) Ваше здоровье! — Пиво изрядно, Лиза. — Послушайте, государь мой! — Теперь вы называете меня господиномъ поручикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поручикъ. Скажите, отъ того, что я (*надвѣз шляпу*) поклонился моему королю — и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (*приподнявъ шляпу*): «господинъ маіоръ, здравствуйте!» (*Допивая кружку*) Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, если я не по уши влюбился въ свою Анюту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ. — Лиза! скажи, какова моя Анюта?

Лиза. И, г. поручикъ! какъ будто вы сами этаго не знаете! — Чего говорить, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, г. поручикъ. Какъ вы на Святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ добрый, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ. —

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ добрый господинъ стоялъ на крыльцѣ и увидѣлъ госпожу поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ — такъ ли, господинъ поручикъ?

Поручикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ — ха! ха! ха!

Поручикъ. Видно, онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ тотсавку, г. поручикъ?

Поручикъ. Проклятая любовь, государь мой — Каспаръ, трубку! — Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женится! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. «Мамзель Анюта! сказалъ я: люблю тебя, какъ душу; только люблю и службу королевскую.» На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою и — пошелъ въ отставку. Что же вышло! На другой день послѣ свадьбы любезный мой тещушка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградила меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое! — Дѣлать было нечего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бутылкою стараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчный миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ — помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ и оставилъ намъ въ наслѣдство дворянскій домъ.

Но перервемъ разговоръ, который занялъ уже слишкомъ двѣ страницы и начинаетъ утомлять серебряное перо мое*). Словоохотный поручикъ до десяти часовъ наговорилъ съ три ко-

*) Въ свои захѣчавія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

роба, которыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не возьму съ собою. Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) если будутъ со мной дамы, подчивать ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніе желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстный Баронъ Тренкъ, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ. — Господинъ поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ, сѣлъ на коня и пустился во всю прыть, закричавъ мнѣ: *счастливый путь, государь мой.*

Чего не напишешь въ минуты безсонницы! — Простите до Кенигсберга!

Кенигсбергъ, 19. Іюля 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ вмѣстѣ съ своимъ сопутникомъ въ трактирѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна.

Вчера-съ же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго метафизика, который опровергаетъ и Малекбранша, и Лейбница, и Юма и Боннета — Канта, котораго Іудейскій Сократъ, покойный Мендельзонъ,

иначе не называлъ, какъ *der alles zermalende Kant*, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ, но смѣлость города беретъ — и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленький, худенькій старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первые слова мои были: «Я русскій дворянинъ, люблю великихъ мужей и желаю изъяснить мое почтеніе Канту.» Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; немногіе любятъ метафизическія тонкости.» Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загрозоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, не безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нравственность человѣка, и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаётъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ, но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ прі-

ятиѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіямъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *закономъ нравственнымъ*, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *нравственномъ законѣ*: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами увидѣли ее*? Если бы она намъ очень полюбила, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнію и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ, не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будетъ лучше!* — Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго разума, все для чего нибудь и все благотворящаго. Что? Какъ?.... Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой и мы во тьмѣ остаемся; одна фантазія можетъ

носиться во тьмѣ сей и творить несобытное.»
— Почтенный мужъ! прости, если въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера и переписывался съ нимъ. «Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣрить магнетизму, и пр.» — Коснулись до его неприятелей. «Вы ихъ узнаете,» сказалъ онъ, «и увидите, что они всѣ добрые люди.»

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: *Kritik der praktischen Vernunft* и *Metaphisik der Sitten* — и сію записку буду хранить, какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно, и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькій и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его метафизики.

Мариенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть

не что иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ рессоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, капитанъ и подпоручикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе, но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга капитанскій и такъ называемый ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при готическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника — вездѣ веселящихся людей; офицеры мои были весьма учтивы и разговоръ, начавшійся между нами, довольно занималъ меня. Мы говорили о турецкой и шведской войнѣ, и капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже прусскихъ. Онъ рассказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы королю миръ наскучилъ. «Пора снова драться,» говорилъ онъ: «солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Милолюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ;

сиротство музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно тому какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилости вый мой капитанъ смѣлся и кричалъ: «Намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данаидъ, замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постилліонъ нашъ не жалѣлъ лошадей, и такимъ образомъ непримѣтно доѣхали мы до перемѣны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы сколько нибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ капитаномъ чашекъ по пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совѣмъ непріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькій городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда величественный дубъ, безмолвный свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣговъ — дубъ священный для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ на-

полнялъ сердца ужасомъ, въ который жрецы язычества облекали богопочитаніе. Такъ друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою религію; такъ гласъ греческихъ оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака! — Нѣмецкіе рыцари въ тринадцатомъ вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ христіанства. Гордый дубъ, почтенный старецъ въ царствѣ растений, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба, что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, отдѣливъ дерево отъ корня, и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира Святыхъ* славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдный городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — «И такъ это Фрауенбергъ?» — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей

славный математикъ и астрономъ, и гдѣ онъ по своимъ наблюдениямъ и вычетамъ опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ планетъ и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ было опять остановить, но тщетно! — И такимъ образомъ Пифагоровы идеи, надъ которыми смѣялись греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника? — Сей астрономъ былъ счастливѣе Галилея: суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заставило его клятвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставить свой философскій замокъ и отечество. — Науки, подобно религіи, имѣли своихъ страдалцевъ.

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, небольшой, но торговый городъ, и весьма изрядно выстроенный, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробить болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выбравъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человѣка. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ и въ сальномъ парикѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ; первый игралъ очень

худо и сердился: а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало и оправлялъ безпрестанно свой толстый, запачканный галстукъ. Карриатура за карриатурою приходила въ трактиръ, и всякая карриатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ трясаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодого офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность и объявили, что они ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ шведской Помераніи, услышавъ, что я русскій, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ, злодыи! вы губите нашего бѣднаго короля!* Офицеры смѣялись и я смѣялся, хотя не во всемъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленные стада блѣяніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебный паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежать, если не оши-

баюсь, къ сектѣ прекрестителей, Wiedertäufer. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо.— Тишина наступившей ночи сомгнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ нѣмецкаго ордена. — Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились, но мѣсто ея займетъ высокій офицеръ, который теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправления почты. — Разсвѣтало. Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединилось къ намъ офицеръ, молодой французскій купецъ и магистръ. Для нихъ и для капитанскаго слуги ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять магистръ, но французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь по-

тѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глумимъ ушамъ*, какъ говорятъ нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣтый, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго магистра вымочить дождь, который накрапывалъ. Новый нашъ товарищъ, офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится тѣсно. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему офицеръ съ сердцемъ, закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это значило?* — «То, чтобы вы убрались въ фуру къ магистру.» — «Государь мой!» сказалъ французъ съ гордымъ видомъ. — «Государь мой!» отвѣчалъ офицеръ съ досадою: «вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ.» — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но офицеръ, худой юристъ, началъ сыпать на него пепель съ огнемъ, говоря что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ уткнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдный французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои

товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ срединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ аллеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились-было атаковать магистра, но онъ довольно искусно отразилъ первые приступы, такъ что они наконецъ оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо графа***, который прислалъ ему экземпляръ алькорана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ офицерами *).

Штолпе, 24. Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости прусскихъ

*) После читаль я о магистрѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ литературнымъ вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

постилліоновъ. Нынѣшній король издалъ указъ, по которому всѣ почтмейстеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпѣть или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія, однакожь не во всей точности исполняется. На приѣздъ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться постилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Приѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ почтмейстеру и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ. — *Выговоромъ?* спросилъ почтмейстеръ. — *Палкою*, отвѣчали офицеры. — «Я не имѣю права бить ихъ.» — «Вздоръ! вздоръ! сказалъ капитанъ: или я самъ со всѣми управляюсь!» — Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. «Насиліе! насиліе!» закричалъ почтмейстеръ: «хотятъ драться, бить меня!» — Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ тихо: «Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ министромъ.» Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постилліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали — дверь затворилась и опять потихоньку стала

отворяться — всё туда оборотили глаза и увидѣли почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ суровымъ голосомъ. Тутъ почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться капитану и называть его господиномъ капитаномъ, и опять господиномъ капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ маіора его полка, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постиллоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: «хорошо, хорошо, господинъ почтмейстеръ!» — Мы съ магистромъ также улыбались; а офицеры говорили тихонько: «дуракъ! трусь!»

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасный бишофъ. И такъ если вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ офицеръ, который мучилъ француза; и такъ сей послѣдній сядетъ съ нами. — Adieu!

Штаргардъ, 26. Іюля.

Всѣ мои товарищи, кромѣ капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣ-

роятно, что намъ уже никогда не видать другъ друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, если бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самый языкъ ихъ страненъ. Не зная по-французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим: *Da ist eine Precipice — ich habe eine Ture gemacht — ich schanschire es*, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, почтмейстерскій сынъ, который ѣдетъ учиться въ университетъ. Слыша, что офицеры въ шутку называли меня докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на нѣмецкій латинское слово *ratio*? Потомъ началъ говорить *о духѣ языковъ*, и проч. Надобно знать, что магистръ уже отъ насъ отсталъ, а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго почтмейстерскаго сына и старались его дурачить. Приѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманъ такую вещь, стали смѣяться. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ капитанъ. «Зна-

комья черты,» съ важностію отвѣчалъ французъ: «кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожъ нѣтъ — я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кихотѣ!» Тутъ офицеры во все горло захохотали, а студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, капитанъ сказалъ мнѣ: «Если когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.» Не забудьте шпоръ! закричали всѣ офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.

Надобно сказать нѣчто о прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при въѣздѣ и выѣздѣ и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при въѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ: изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ въѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шутить, и для того офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменевеверусъ и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ; иногда Альцибиадъ, ѣдущій въ Персію; иногда докторъ Панглось, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

Берлинъ, 30. Іюля, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои, а нынѣ, къ великому моему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этого не было въ уговорѣ. А если вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, который за нѣсколько тысячъ верстъ беретъ участіе даже въ минутной вашей непріятности, то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ капитана было у меня двое новыхъ товарищей: офицеръ, ѣдущій въ имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардскій. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на своемъ чемоданѣ, могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью — и я, почитаая себя блаженнымъ человекомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. «Вѣдь намъ еще надобно

хоть одинъ разъ въ жизни видѣться», сказала онъ, пожимая руку мою: «заѣзжайте ко мнѣ, и расскажите, что увидите въ свѣтѣ.» — Хорошо, хорошо, г. капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы! — И такъ мы разстались.

Вдругъ коляска наша остановилась; ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: «Господа! позвольте ли сѣсть въ коляску одной честной женщины и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь и она боится занемочь.» Пускай ее садится, сказалъ офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску и была подлинно очень мокра, такъ что мы пятились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, которая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ и узналъ отъ нее, что она жена портнаго мастера, очень любить своего мужа и съ нимъ никогда не разстается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго куша, который торгуетъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь барона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала цѣлую ночь, читая

эту книгу, а на другую ночь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотреть, что съ нею сдѣлалось — и проч. и проч. Вотъ все дѣло!

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная аллея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина нельзя было мнѣ судить потому, что безпрестанный дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда ѣдете? За чѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго правительства! — Наконецъ мы вѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, рассказывать русскому о Россіи и другу о друзьяхъ, говорить о нашихъ веселыхъ московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!... Но судьба смѣялась надо мною!

Жаль, жаль, государь мой — сказалъ мнѣ г. Блумъ, трактирщикъ *Англійскаго короля въ Братской улицѣ* — жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знаете, что къ нашему королю пожаловала гостя, его сестрица. Въ Берлинѣ будутъ праздники и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите-ли, что я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ? — И

такъ, г. Блумъ — «Вы изъ Россіи пріѣхали?» — Изъ Россіи. И такъ — «У васъ все войною занимаются?» — Да, г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается — «Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?— Прикажите мнѣ указать комнату; а послѣ, если угодно — «Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!» Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. «Не правда ли, что она очень хороша и очень уютна?» — Я доволенъ, г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ и наконецъ мнѣ же вздумалъ рассказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, г. Блумъ, сказалъ я: это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по старому или по новому стилю. — «Какъ, государь мой!» — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ трость и пошелъ со двора.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при вѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ,

что завтра Берлинская публика узнаеть черезъ газеты о моемъ пріѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д*** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и дома очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова, Жандармская, Денгофская* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ прусскихъ генераловъ: Шверина, Клейста, Винтерфельда и Зейдлица.

Мы прошли въ королевскую библіотеку. Она огромна — и вотъ все, что могу сказать о ней! Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойный король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ нѣмецкій манускриптъ, но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книги давать на домъ запрещено; однакожъ извѣстный человѣкъ, за добривъ деньгами помощника библіотекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ г. докторъ Бистеръ, который и живетъ въ семъ большемъ домѣ.

За столомъ у господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: офицеровъ, купцовъ и важ-

ныхъ саксонскихъ бароновъ, прїѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ штатгальтерши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ королемъ. Объ этомъ только и говорятъ, да о разбойникахъ, которые близъ Ораніенбурга разбили почту. — Ввечеру Д*** водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга и состоитъ изъ разныхъ аллей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, инныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А*** писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную аллею, состоящую изъ древнихъ сосенъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію аллею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ виденъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня.... Не есть ли — думалъ я — не есть ли тѣмъ сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ

усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣтящемуся свѣту, и — съ того времени всякій разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часто поминаю тебя.» Любезный меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію аллею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть, ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось. — Садъ принца Фердинанда, въ который мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ принцъ и съ угрюмымъ видомъ отплатилъ намъ поклонъ. — Бьетъ часъ.

Юля 1.

Нынѣ по утру, побывавъ у господина М**, къ которому было у меня письмо отъ князя Д**, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы нельзя было ожидать отъ нѣмецкаго ученаго и кни-

гопродавца. «Васъ знаютъ и въ Россіи, сказала я ему: знаютъ, что нѣмецкая литература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Приѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видеть друга Лессингова и Мендельсона.» — Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою и посадилъ меня на софу. Съ путешественникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ.

У г. Блума живетъ одинъ молодой шведскій купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ пришелъ къ нему секретарь ихъ посольства и вызвалъ его. Минуть черезъ пять возвратился нашъ шведъ съ веселою улыбкою и объявилъ всему столу, что шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ русскими. Секретарь Датскаго посольства, который тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патріотическою ревностію. Прусскіе офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ? сказалъ датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. — Какого подтвержденія! закричалъ шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а шведъ горячился. Между тѣмъ г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входить въ разговоръ. «За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что

шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, если бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!» Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспланеніи. Однакожь мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ россіи и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я русскій. При началѣ войны меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего короля, отвѣчалъ я, который объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чтобы шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. «Это говоритъ Фридрихъ», сказала сквозь зубы прусскій маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д***, и г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ гарнизонной церкви и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винтерфельда, любезный Клейстъ, бессмертный пѣвецъ весны, герой и патріотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сра-

женіи при Куннерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картечь раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *друзья, не покиньте короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною фізіономію и ухватками одного козака, которъй снималъ съ него платье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью наши его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близъ огня на солому и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько талеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусарь съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего офицера, барона Вульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны и онъ спокойно разговаривалъ съ философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми учеными и нашими офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостью стоическаго философа. Всѣ наши офицеры

присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго офицера должна быть шпага и въ могиль.* — Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Июль, 2.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ театрѣ. Представляли драму: *Независть къ людямъ и раскаяніе*, сочиненную господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!... Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Последняя сцена въ піесѣ несравненна. — Г. Флегъ играетъ роль мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого актера. Въ немъ соединены великія при-

родныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Г-жа Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается кака-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любовною для зрителя. — Я думаю, что у нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостію представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть. — Вышедши изъ театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ счастливейшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что изящныя искусства не имѣютъ вліянія на счастье наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Іюля, 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, нѣмецкаго Горація. Самый почтенный нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почитаются у насъ классическими. Ему пріятно было слышать, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ напитался духомъ древнихъ, а особливо латинскихъ поэтовъ. Въ одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ поэтовъ — правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже пѣтческаго жара, который всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ римскихъ поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сія піеса, печатаемая въ Берлинскомъ журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. «Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до его времени извѣстны на нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.» —

Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его идилліи. «Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ автору, своему другу — который въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.» Искусные критики недовольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ идилліяхъ швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ и мнѣ сказалъ, что Геснеровы идилліи были единственно потому несовершенны, что авторъ писалъ ихъ не экзаметрами. — Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго*. «Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ нею, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ сочиненіяхъ. *Говорите, что хотите*, отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ*. Наконецъ подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею.» — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, которой Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты поэзіи живѣе мужчинъ. — Рамлеръ возстаетъ противъ греческихъ мѣологическихъ именъ, которыя графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы

уже привыкли къ латинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ театръ и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славный Эггофъ утверждалъ, что актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; если не ошибаюсь, то и Энгель въ своей мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ ученыхъ упомянулъ я о Вейсѣ. «Вейсе лучший другъ мой», сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я простился съ нимъ и онъ на память подарилъ мнѣ оду, сочиненную имъ нынѣшнему королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранный изъ псалмовъ. — Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову трагедію. Несчастливая любовь принца къ его мачихѣ Елисаветѣ, которая прежде была его невѣстою, есть содержаніе сей трагедіи. Характеръ короля Филиппа II, о которомъ исторія говоритъ столько худаго и добраго, который, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую, но услышавъ о погибели флота своего, разсѣяннаго вѣтромъ и разбитаго англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе несчастіе перенесъ съ твердостью героя — сей характеръ изображенъ съ

великимъ искусствомъ. Благородный и пылкій въ страстяхъ своихъ Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушный маркизъ Поза, другъ принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила несчастная страсть, представленъ авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великій актеръ. Маттаушъ, молодой человѣкъ, представляющій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость принцова характера. Къ тому же онъ очень не дурень собою. Что принадлежитъ до роли маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго генерала, который отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго маркиза Позу. Ролю королевы играла очень слабо какая-то молодая актриса. Г-жа Унцельманъ трогательно представляла молодую принцессу, влюбленную въ принца. — Сія трагедія есть одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ драматическихъ пьесъ и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе автора, однакожь въ драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, 6. Юля.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею. — «А кто этотъ Морицъ?» — Кто? Филиппъ Морицъ, авторъ, философъ, педагогъ, психологъ. — «Постойте, постойте! Вы мнѣ много насажали; надобно поискать его въ календаръ подъ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ, (*вынувъ изъ кармана книжку*) и такъ онъ философъ, говорите вы? посмотримъ.» — Простодушіе сего добраго человека, который съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ и непремѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись философовъ, заставило меня смѣяться. — Посмотри его лучше между профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — «Пойдемъ къ нему».

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, читавъ его Anton Reiser, весьма любопытную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственные свои приключенія, мысли, чувства и развитіе душевныхъ своихъ способностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser предпочитаю я весьма систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужитья на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пи-

щи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ профессорскаго дохода своего нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ *Reisen eines Deutschen in England*, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, нѣмецкая публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ свѣжимъ лицомъ! — «Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!» Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ который мы перебрали довольно разныхъ матерій.

«Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію.» — Онъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ, о нашей литературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько сти-

ховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. «Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и русскому языку; но для этаго надобно вамъ написать что нибудь превосходнаго.» Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ нѣмецкій, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ нѣмецкаго языка и что, можетъ быть, никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы *Ueber die Sprache in psychologischer Rücksicht*, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ Психологическомъ Magazinѣ. — «Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* философу часто призракъ истины кажется истинною.» Морицъ въ спорѣ съ Кампе, славнымъ нѣмецкимъ педагогомъ, который въ вѣдомостяхъ разобралъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. «Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ-было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное и хладнокровно предложилъ публикѣ свое оправданіе.» — Странные вы люди! думалъ я: вамъ

нельзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры, и публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія! — Adieu, г. профессоръ! —

Я хотѣлъ-было видѣть Ангеля, сочинителя *Святскаго Философа* и *Мимики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemälde* — піесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и оперу *Два охотника*. Въ послѣдней роль молочницы играла та актриса, которая въ *Донъ-Карлосъ* представляла королеву: какое превращеніе! Однакожъ молочницу играетъ она лучше, нежели королеву.

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долинь, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величествен-

ный городъ, и обширная плодоносная долина составляютъ великолѣпный видъ. — Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ и, одѣвшись, пошелъ къ господину П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденъ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ, но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35,000: очень немного по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается, и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриваніемъ пріятной картины,

которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы. — Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Намъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но милостивая и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самый умѣренный, однакожъ и не голодный. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хотя и не есть ученый, однакожъ много читалъ и за бутылкою стараго Рейнскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкимъ поэтовъ. Милостивая Шарлотта по большей части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хотя въ нѣмецкомъ вкусѣ, однакожъ не безъ пріятности. — Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно

на то, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлю Марію (которая держитъ на рукахъ Младенца и передъ которою стоятъ на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву *ночь*, о которой столько писано и говорено было и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта со тьмою; Микель-Анджелову картину, представляющую осужденнаго на смерть челоуѣка и вдали городъ; картины Юлія Романа: Пана, который учитъ на флейтѣ молодаго пастуха; играющую Цецилію, окруженную Святыми, и проч., — Веронезовы: Воскресеніе, похищеніе Европы, и проч. — Караччиевы: Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со Младенцемъ, Матеемъ и Іоанномъ, и проч. — Тинторетовы: Аполлона съ музами, паденіе ангеловъ, и проч. — Бассановы: Израильскій народъ въ пустынѣ, Ноево семейство, и проч. — Джіордановы: похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч. — Розовы: собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими — Пуссеневы: Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ въ двумя сидящими нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая нимфа, которую разсматриваютъ изъ-за дерева двое мушинъ — Рубенсовы: сидящую Марію съ Младенцемъ, которому ангелы подаютъ плоды; Страшный Судъ, Христа, спящаго на кораблѣ

во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая съчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч. — Фанъ Диковы: изображенія королей Карла II и Якова II; Иеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галерею изъ Моденской, на прим. Корреджіева *ночь*. Августъ III, польскій король, былъ великій любитель живописи и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галлерей картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ счастью, воровъ скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто. — Выходя, вручилъ я господину надзирателю голландскій червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоценныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ саксонскаго курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплатить голландскій чер-

вонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатный французъ, смотря на камни, сказалъ курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлерей и *зеленой кладовой* третья примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть бібліотека, и всякій путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, то есть, взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная бібліотека!* — Между греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ бібліотеку бывшимъ московскимъ профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ въ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Вечеру гулялъ я въ саду, который называется Zwinger Garten и который хотя не великъ, однакожь приятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Лейпцигъ. Юля 14

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, бротгая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ, а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ-за котораго въ

разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскомъ студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса: женатъ ли я? студентъ мой началъ говорить о женщинахъ и притомъ не въ похвалу ихъ. «На гробъ друга моего — сказалъ онъ — друга, который пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной вѣтренной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удалиться отъ этаго опаснаго для насъ поля и вѣчно быть холостымъ. Науки занимають всю мою душу — и благодаря Бога! могу быть счастливы самъ собою.» — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ магистръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистръ брался все рѣшить, но, по мнѣнію студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ — что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣють чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ который ничего влить нельзя, или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ и отъ котораго все отпрыгиваетъ.» — И такія головы, перервалъ студентъ, часто бываютъ покрыты

рыжими париками и торчатъ на каеэдрахъ.— Государь мой! закричалъ магистръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали, — спокойно отвѣчалъ студентъ. Лучше замолчать, сказалъ магистръ. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигскій студентъ тотчасъ присталъ къ нему и они, какъ добрые ослы, затагнули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Къ счастью пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы итти въ трактиръ пить кофе, магистръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ и, не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: «Куда онъ дѣвался? Какъ мнѣ быть безъ него? Какъ я бѣдный покажусь въ городъ?» — Онъ приступилъ къ шафнеру и требовалъ, чтобы парикъ его непременно былъ отысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигскій студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго магистра и наконецъ, какъ будто бы сжался надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать!

сказалъ онъ; однакожь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана и — вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою и не могъ сказать ни одного слова. «Вы ищете за милоу того, что у васъ подъ носомъ» — сказалъ ему шафнеръ съ сердцемъ; но душа магистрова была въ сію минуту такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и шафнерова риторическая фигура проскочила если не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *двѣственной* фибры (*fi-bre vierge*). Конечно, долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся и, надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ, магистръ, не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаетъ сатана и — Тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. — Нельзя возвратитъ потеряннаго!

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ, — о своемъ безкорыстїи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня — говорилъ онъ — были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ счастливъ въ здѣшней жизни и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ» — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. «Ничего, отвѣчалъ онъ, запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру.»

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слышалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и

трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умеренную цѣну и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

Июля, 15.

Нынѣ познакомился я съ г. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ П*, англійскаго купца, и который, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, голландскій, промѣнять на французскій. — Отъ него зашелъ я въ теологическую аудиторію; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемый городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольно пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рошицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія и не скоро утомляется. Окрестности Дрезден-

скія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первья можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо*; которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга; о которой съ кроткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна!*

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большей части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены.

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ.

Послѣ обѣда былъ я у г. Бека, молодого, но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, профессора. Я отдалъ ему письмо къ магистру Р*, который у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть проповѣдникомъ въ его деревнѣ, но что, приѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны духовныхъ; что ему надлежало выдержать престогаго экзамень, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вы-

шедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ побольше любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихій, скромный человекъ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія аббата Бартелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ французскіе литераторы преклонили колѣна свои и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная — Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы — никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенскій профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ греческой литературы и древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, какъ докторъ Платнеръ, электическій философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ логикою и метафизикою, тотъ лег-

ко можетъ понимать его. *Афоризмы* его весьма уважаются, и человекъ, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Ариадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть и отъ г. Бега пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ аллеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что господинъ докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ — высокій, сухощавый человекъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. «Я уже слышалъ объ васъ отъ г. Клейста» — сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. «Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ» — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. «Какой или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?» спросилъ онъ. *Изящнымъ*, отвѣчалъ я и покраснѣлъ, — знаю, отъ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Вечеру я бродилъ по садамъ и по аллеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я изъявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора

профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его *Инке* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда профессоръ ^{***}, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учить васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы!» Воспоминанія растрогали мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: довольно тѣни! и что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту учениками и друзьями его иной памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчанный образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!). Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.» — Пріятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллер-

та, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя пороки во всякомъ уголкѣ сердца челоувѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что религія не дѣлаетъ людей лучшими. «Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго — говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ — всѣмъ обязанъ я Христіанству.» — Описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно религіи и добродѣтели, котораго вѣкъ есть — вѣчность!»

Іюля, 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собраніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, *куртизируютъ*. Сверхъ того здѣсь есть особливья ученая общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги и проч. — Здѣсь есть и театръ; только комедіанты

уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярмаркѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ, а для того, кто любитъ улаждать вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусныя жаворонки, славныя пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишня, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ. — Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнату также 30 коп., то же платилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или авторы или переводчики и, собирая бібліотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ нѣмецкомъ городѣ есть публичныя бібліотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку. — Книгопродавцы изо всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярмарки, (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня), и мѣняются между собою новыми книгами. Безчестными счита-

ются изъ нихъ тѣ, которые перепечатаваютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, которые купили манускрипты у авторовъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ. — Вы пожелаете, можетъ быть, знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы авторамъ за ихъ сочиненія? Смотри по сочинителю. Если онъ еще не извѣстенъ публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. «Вы конечно поживете съ нами,» сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. — «Только? А я думалъ, что вы пріѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды и знаете нѣмецкій языкъ. вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единомыслителей искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно.» — Я почелъ бы за особое счастье быть вашимъ ученикомъ, г. докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — «И такъ мнѣ остается жалѣть, если они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.»

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ русскихъ, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.» — По крайней мѣрѣ ваши афоризмы еще не были изданы...

И въ самую ту минуту, какъ я, упоминая объ афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность ректора. — У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубаго Ангела*.

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду, (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *Голубаго Ангела*. Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго профессора Эзера и биргер-мейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію изящныхъ наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ — самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы

и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей литературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на русскій языкъ. «Я не думалъ бы — сказалъ молодой профессоръ поэзіи — чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей.» Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ. — Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ русскіе стихи разныхъ мѣръ и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ эпическія поэмы, Россіяду и Владиміра, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ исторіи російской поэзіи. — Платнеръ игралъ за ужиномъ первую роль, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще справедливо укоряютъ нѣмецкихъ ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человекъ: любитъ и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну. — Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе, слушаютъ его анекдоты и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшить. Во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны собирался онъ ѣхать

въ Россію, но раздумаль. — Что принадле-
жетъ до биргермейстера Миллера, то онъ, ка-
жется, очень важничаетъ. — Въ десять часовъ
встали, пожелали другъ другу добраго вечера
и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ
заплатить за ужинъ: что для меня не со-
всѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ из-
бранные Лейпцигскіе ученые ужинаютъ вмѣ-
стѣ одинъ разъ въ недѣлю, проводятъ вечеръ
въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достой-
ныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ уче-
ныхъ, славныхъ — но всѣ они далеки отъ
моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ
хотя малѣйшую нужду? Всякій занятъ своимъ
дѣломъ и никто не заботится о бѣдномъ стран-
никѣ. Никто не хватится меня завтра, если
нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ
унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей
вздохъ не полетитъ вслѣдъ за мною и вы
бы долго, долго не узнали о переселеніи ва-
шего друга!

Июля, 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ
покойнымъ и веселымъ духомъ, бросился на
траву бальзамическаго луга, наслаждался ут-
ромъ — и былъ счастливъ!

Солнце взошло высоко и жаръ лучей его

далъ мнѣ чувствовать, что полдень не далекъ.
Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у
меня въ виду. Пожелавъ добраго утра моло-
дой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я
спросилъ у нее, гдѣ домъ господина Вейсе?
— «Тамъ, на правой сторонѣ большой домъ
съ садомъ!»

Вейсе, любимецъ драматической и лириче-
ской музыки — другъ добродѣтели и всѣхъ доб-
рыхъ — другъ дѣтей, который ученіемъ и
примѣромъ своимъ распространилъ въ Герма-
ннн правила хорошаго воспитанія — Вейсе
проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, вер-
стахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ
поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ
горницу и видѣлъ въ окно, какъ любезный
хозяинъ, маленькій человѣчекъ въ красномъ
халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому
по аллеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то
москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ
въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но
только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напу-
дренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ при-
мѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любез-
ный Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!
— Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, но
румяное и свѣжее лице его не показываетъ
и пятидесяти — и во всякой чертѣ лица сего
видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково и сердечно,
просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а

не онъ ко мнѣ — и въ такой жаръ, подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на русскій и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей, но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердець. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку фамиліи друга дѣтей*, пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ, однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство. — Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое счастье! «Благодарю Бога, — сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія, и я осмѣлился бы назвать свое счастье совершеннымъ, если бы небесная благодать возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна и которой искусство врачей не помогаетъ.» — Однимъ словомъ, если я любилъ Вейсе какъ автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ, какъ человѣка.

У него есть рукописная исторія нашего театра, переведенная съ русскаго. Г. Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее, а нѣкто изъ русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій и подарилъ г-ну Вейсе, который хранить сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей бібліотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. «Путешествуйте счастливо — сказалъ онъ — и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ.» — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ: *sa fin* (т. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour* — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на доброга есть счастье для того, въ комъ не загрузѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Осіанова Фингала и *Vicar of Wakefield*.

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ г. Мелли въ загородный садъ. Тамъ было множество людей: и студентовъ и филистровъ*).

*) Такъ студенты называютъ гражданъ, и господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышедшее изъ латинскаго слова *Balistarii*. Сими именами назывались городскіе солдаты и простые граждане.

Одни, сидя подъ тѣнію деревь, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табачными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ аллеяхъ гуляли съ дамами и проч. Музыка гремѣла и челобѣтъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякій давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-русски. «Я жилъ четыре года въ Москвѣ — сказалъ онъ — и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка». — Къ намъ присоединились гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ и мы обрадовались другъ другу, какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до полуночи и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты и каждый изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ открыли. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

Веймаръ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ пре-

красной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ намъ говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ французомъ, который былъ чѣмъ-то въ свитѣ французскаго посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ; мы бросили нѣсколько грошей и они громко закричали намъ *спасибо!* — Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-нѣмецки и котовому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Буттельштетъ, гдѣ почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постиліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рошицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воротъ меня допрашивали, послѣ чего предложилъ я караульному сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гете?» Здѣсь, здѣсь,

здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ посыліону везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.—Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.—Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, раздраживая слугу, — взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звѣздою*, мнѣ очень понравился; но еще болѣе понравились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала.—Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ какой-то нѣмецкій авторъ, *и сія мысль есть цѣлый міръ*. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, многого не понималъ, но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе! — Я читалъ его *Бого*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревност-

ный читатель божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, пріятливаго человѣка. — Онъ спрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отменной скромностію. Потомъ разговоръ обратился на литературу, и слыша отъ меня, что я люблю нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ пѣвцовъ германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму.» — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостию нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis sein?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Jovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

«Это совершенно по-гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для поэзій удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

21, Июля.

Вчера два раза былъ я у Виланда и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ утра и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рабо-

ватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные — таковъ Виландъ. Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. «Это не стоило труда!» отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли: изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. «Конечно я пришелъ не во время?» спросилъ я. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — «И такъ позвольте мнѣ прійти въ другое время; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть.» — Виландъ. Чего вы отъ меня хотите? — Я. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ и возбудили во мнѣ желаніе, узнать автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — В. Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно? — Я. Скажите. — В. Я не

люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю. — Я. Правда; но чего вамъ опасаться? — В. Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровененъ. — Я. Вспомните, что я не нѣмецъ и не могу писать для нѣмецкой публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка. — В. Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — Я. Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять и, разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда — узналъ какъ отца среди семейства и какъ друга среди друзей. — В. Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь дурнаго. — Я. Вы шутите. — В. Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ нѣмецкомъ городѣ на прим. въ Готѣ,

было бы вамъ веселѣе. — Я. Вы поэтъ, а я люблю поэзію: какъ бы пріятно для меня было, если бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея? — В. Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ поэзіи. — Я. О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ. — В. (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*). Я не физиономистъ, однакожь видъ вашъ заставляеть меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность, и я вижу еще перваго русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этаго старика (*указывая на бюстъ Вольтерова*). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать французамъ; а вы — Я. Благодарю. — В. И такъ если вамъ угодно провести со мною часа два, три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго. — Я. Вы хотите быть только снисходительны! — В. Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны. — Я. Простите! — В. Въ третьемъ часу васъ ожидаю. — Я. Буду. — Простите.

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіе при-

шелъ отъ Виланда къ Гердеру и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера—съ такою же привѣтливою улыбкою и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ недавно возвратился и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію и взглянулъ на Медицискую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарневскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера—взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что *die Urkunde des menschlichen Geschlechts* казалась мнѣ по большой части непонятною. «Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ.»—Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ—теперь видѣлъ васъ и доволенъ.

Гердеръ невысокаго росту, посредственной толщины и лицомъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ—(но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь фізіономическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, такого ничего, что бы показывало желаніе *казаться члвкъ нибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсь словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца музъ; но великій ученый и глубокомысленный метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ вамъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себя воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердера ума, воспоминая видъ и голосъ автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается*, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣстѣ. *Мы васъ проводимъ*, сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите—сказалъ, вошедши къ нему—простите, если давешнее мое посѣщеніе

было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствиємъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — «Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ поэзіи такъ далеко распространяется, тогда какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.» — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ поэзіи, сказалъ онъ: «Если бы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что музы слушаютъ мои пѣсни.» Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на нѣмецкій? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, если вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду? «Тихая жизнь», отвѣчалъ я. Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ. — Кто любитъ

музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его счастливымъ.»

Разговоръ нашъ касался и до философовъ. — «Никто изъ систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно и заставляетъ любить себя и философію свою. — О Кантъ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, профессора Рейнгольда, подъ титуломъ *Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens*, которое только-что отпечатано и которое должно объяснить Кантову метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, если вы читаете книги такого рода. — Вашъ Агатонъ или Оберонъ для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожь иногда изъ любопытства заглядываю и въ область философіи. — «А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самые важнѣйшіе вопросы философіи.» — Правда, сказалъ я: и такъ прошу извинить меня.

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ни-

чего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, приятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на русскій. «Но каковъ переводъ?» спросилъ онъ. — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. «Такова моя участь, сказалъ онъ: и французскіе и англійскіе переводчики меня обезобразили.»

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ счастья въ жизни. «Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Простите и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!» — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самаго меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку и расстались — можетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Если бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говорить сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клеелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа,

какъ Оберонъ, какъ Музаріонъ и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи, какъ авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на прим., *нравоучительныя повѣсти, симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ, однакожь отдавала автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остроумію, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ пѣвцевъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Если французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о нѣмецкой литературѣ, (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, какъ нѣмцы прилежали только къ сухой учености) — если знающіе и справедливейшіе изъ нихъ соглашаются, что нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти

Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на французскій языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно, — остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное греческое лицо! Нынѣ заходилъ къ нему, но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену.

Франкфуртъ на Майнѣ Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, пріѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать—(я ѣхалъ на ординарной почтѣ)—или по крайей мѣрѣ стоять по нѣсколькучасовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего любопытнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много занимательнаго для своего сердца.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Сажу въ своей горницѣ подъ раствореннымъ окномъ, и хотя косой дождь мочитъ меня и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожъ каменная русская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Майнскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслию, что оставляю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Майнъ и Рейнъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны и одни Зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтущая природа ликуетъ въ яргомъ свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но—пріѣзжаю и нахожу пасмурную осень среди лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выйду изъ Франкфурта, не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго банкира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А*, (который уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ), видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная бібліотека въ трехъ шагахъ отъ трактира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію,

и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ и хотя критика отдастъ ему преимущество. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами и которыя вѣрно полюбились бы нашей публикѣ, если бы искусный человѣкъ обработалъ ихъ для русскаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой докторъ медицины, который вчера пришелъ ко мнѣ пить чай и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. «Испорченный желудокъ, сказали онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ

чего моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми и говорятъ съ ними, какъ со здоровыми, тогда какъ они больны — и когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевный бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть отправляетъ ту должность, которую поручила ей натура: тогда и душа бываетъ здорова; тогда человѣкъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и счастливъ.» — И такъ, если бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить моста на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой докторъ: и если бы лекаръ его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ златомъ вѣкѣ были люди и добры и счастливы? Конечно отъ того, что они, питаясь только растеніями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что если бы я былъ государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми

людьми и полезными гражданами. Со временем предложу публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлають революцію въ философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали.» — Я удивлялся логикѣ господина доктора.

Франкфуртъ, Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нея было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между французами и соединенною ганOVERскою и гессенскою арміею; послѣднею командовалъ брауншвейгскій принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, маршаль Брольи.

Я былъ и въ кафедральной церкви католиковъ, гдѣ по уставу Майнцскій архіепископъ коронуетъ избраннаго императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я у моего провожатаго. — Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ. — Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ католикамъ, однакожъ господствующая религія во Франкфуртѣ есть лютеранская, и католическому духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и реформатовъ, большею частію французовъ, выгнанныхъ изъ отечества

Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города и даже не смѣютъ всенародно отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ жида имѣютъ синагогу. Такая нетерпимость конечно не служитъ къ чести франкфуртскаго правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что нельзя итти по ней, не зажавъ носа. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большей части изъ засаленныхъ доскутковъ, сквозь которые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ христіанскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу и бѣдные жида какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, если случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими жидами есть и богатые, но сіи богатые живутъ такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ французенка, говоритъ хорошо и по-французски и по-нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ синагогу. Я вошелъ въ нее, какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горестъ, страхъ изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти и едва держающихъ молитъ судію своего о помилованіи. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ тотъ умный жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ.) «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Иерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда сѣтовать о бѣдѣ ствіи народа нашего. Оставьте насъ; мы представляемъ для васъ печальную картину.» — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и жида, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе христіане. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа обще-*

ственности, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ разодранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ докторъ Н*. — Не покупайте ничего у жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкій не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ израильтянинъ: мы не безчестіе христіанъ.» Сказалъ и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельсоновъ Иерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великій челоуѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его, (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою). Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною и носилъ такую же бороду, какъ я? «Знаю, отвѣчалъ я, знаю.» Тутъ жидъ мой бросилъ на столъ талеры и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ жидъ, былъ жидъ! — Здѣшніе актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціанскаго купца*. На другой день Франкфуртскіе жида прислали сказать директору комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ театръ, если сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора и отвѣчалъ,

что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ театрѣ.

Мангейль, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, приѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка, какъ столъ — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя деревья — груши, яблоки и грецкіе орѣхи растутъ на дорогѣ. И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенный, винородный Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ жень рожденныхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не ліются? Здѣсь ліются онѣ, и я видѣлъ ихъ — видѣлъ тоску поселянъ несчастныхъ. Рейнъ и Неккаръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ

бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина — тамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при вѣздѣ въ длинную аллею, версты за три до Мангейма — аллею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Въ Оппенгеймѣ, курфальцскомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоитъ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведскій король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ испанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсъ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой императоръ Карлъ V со всѣми имперскими князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отравя, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ — по

крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ—очень пріятно. Ворота Рейнскія, Неккарскія и Гейдельбергскія украшены баральефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя домами. Дворецъ курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккаръ сливается въ Рейномъ. Если бы я не तोпился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбілся мнѣ Мангеймъ!

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Стразбургѣ одинъ офицеръ, когда я съ другими путешественниками сѣлся въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасъ много разбойниковъ.* Мы посмотрѣли другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ» — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кортикъ и собака» — сказалъ молодой человѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться?» сказали всѣ мы; поѣхали и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лотарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ зам-

ковъ, представляютъ для глазъ нѣчто романтическое и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сія горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышаются черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадаются въ глаза деревья и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе нѣмецкой. Постиліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ и въ такихъ сапогахъ, которые были бы впору гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Стразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть, переѣхали въ день 29 французскихъ миль или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того, что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базелѣ ворота, которыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ

сынъ придворнаго Коппенгагенскаго аптекаря Беккера, учился въ Германіи медицинѣ и химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая чрезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправиться во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала отставать, то, пожелавъ намъ счастливаго пути, вышелъ самъ изъ дилижанса, чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ. — Здѣсь въ Базелѣ остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ауста*.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной природы, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ и я съ гордостію помышляю о своемъ чловѣчествѣ.

Базель больше всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ банкира Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь ника-

кихъ хорошихъ зданій и улицы чрезмѣрно худы вымощены. Жителей по обширности города очень немного и нѣкоторые переулки заросли травою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части, и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожь, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показала мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста: не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный торгъ съ нѣмцами и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старыя монументы съ разными надписями, показывающими бѣдность разума чловѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ чловѣкомъ въ Европѣ, въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, великаго государственнаго канцлера и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о политикѣ, религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и крас-

норѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры, но многія грубы, сухи и натянуты — и вообще книга сія довольно скучна для тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмагонадесять вѣка. — Минстеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только антикваріи и нумизматографы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбейна, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго, но какъ умершій челоуѣкъ изображенъ онъ весьма естественно. По преданію рассказываютъ, что Гольбейнъ писалъ его съ одного утопшаго жида. Страсти Христовы изображены на осьми картинахъ. — Въ ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбейномъ. Знатокѣ говорятъ о семь живописцѣхъ, что фигуры его

вообще весьма хороши, что тѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за рѣшеткою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, который, по крайней мѣрѣ отчасти, считаютъ за Гольбейнову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія: и папу и имфу радости, и короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знаткомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя и столь дурны прочія! Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя и конечно достойныя лѣвой Гольбейновой руки *). Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростию.

Между прочими Гольбейновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасный портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лайсы (по чему легко можно догадаться, какого рода была слава ея), а подлѣ нея представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни и державшаго въ рукѣхъ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтартѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: *Verbum Domini manet in aeternum* (*слово Господне пребываетъ вовеки*).

*) Гольбейнъ писалъ лѣвою рукою.

Если вы въ полдень спросите здѣсь, *какой часъ?* то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ* — то есть, здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ — и такимъ образомъ: нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ бургомистровъ узналъ о томъ и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло и возвратился домой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память счастливой бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, чтобы лѣнливые кардиналы и епископы вставали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоценное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожъ правленіе сего кантона

можно назвать отчасти демократическимъ, потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ членами Большаго и Малаго Совѣта, которые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати и сами избираютъ членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характернаго. — Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія

пещеры или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькій бассейнъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно прѣѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семь тихомъ гротѣ, въ семь святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Циселовомъ сундукѣ изображены были*). — Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволяли намъ ни минуты пробывать тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая госпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе между французами и швейцарцами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякій годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣ-

*) Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и чернаго; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

вать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію ученыхъ, обязана медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но который отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ.*)

Вообразите, что новый мой знакомецъ Б*, съ которымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ — отъ любви! Здѣсь въ трактирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть и только что подчивалъ красавицу, а при концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Кра-

*) Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: «Знайте, о медики! что колпакъ мой ученіе всѣхъ васъ «и что борода моя опытите вашихъ академій. Греки, «римляне, французы, италянцы! я буду вашимъ царемъ»

савица взяла книжку, карандашъ — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; следуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!... Въ самую сію минуту всѣ изъ-за стола встали и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я высочилъ изъ кареты, упалъ на цѣвѣтущій берегъ зеленого Рейна и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцарцы! всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ предестной природы, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ

простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу*), не возмущаемую тиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперъ, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью, что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту природы человѣческой — когда сердце мое отвергается впечатлѣніямъ красотъ природы — чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостию, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необхо-

*) Читатель, можетъ быть, вспомнить о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мнѣяхъ своихъ передали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию вѣчно-юнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

димостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы пригасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій чело-вѣка! Теперь, погружаясь въ чувство твоей благодати, лобызая невидимую руку твою, меня ведущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчишки и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ погойный селянинъ, насистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, уви-тывая гибкимъ винограднымъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами, но альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасываящій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, а не могу пи-сать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Врукъ.

Мы обѣдали въ маленькой швейцарской де-ревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣ-хала француженка въ печальномъ платьѣ, съ

девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печаль-ное платьѣ, блѣдное лице и томность въ гла-захъ дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать» — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Датчанина былъ очень нѣженъ. «Если это не будетъ вамъ противно» — отвѣчала француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ трактирщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не за-ставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?» *Увидите*, отвѣчала Швейцарецъ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на головѣ своей шапку. — «Швейцарцы добрые люди» — сказала фран-цуженка съ улыбкою, сѣвъ за накрытый столъ — «только немного грубоваты.» По-ставили кушанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать дамѣ и сы-ну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спро-сить у нее, по комъ носить она трауръ? «По братѣ», отвѣчала француженка со вздо-хомъ. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ и — нашла его лежащаго во гробѣ.» Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б* и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — «Старѣе

меня пятью годами» — отвѣчала она и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней рѣсницѣ лѣваго глаза* ея. Господинъ Б*! ска- залъ я: вы оскорбляете чувствительность гос- пожи Н. Н. горестными воспоминаніями. — Я этаго не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, ска- зала она, что кровь не переставала изъ нея литься.» — Маленькій Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между по- цѣлуями взлядывалъ на нее такъ умилно и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька! не плач- те! не плачьте. любезная маменька!* что я по- шелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего и при- жалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ трактирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ, что вы обидаете.* Никто не отвѣчалъ ему. Гос- пожа Н. Н. высвободила свою руку (на кото- рой осталось розовое пятно), и томнымъ взо- ромъ наказала чувствительнаго Б* за не- скромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я трактирщику, но онъ стоялъ какъ вкопанный, выпучивъ глаза на французенку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто

его. Б* сѣлъ на свое и мы принялись за де- сертъ. Госпожа Н. Н. успокоилась и расска- зала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцарецъ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣ- халъ жить въ К*. Онъ очень счастливъ, суда- рыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего счастья, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впря- жены. Надобно было расплатиться съ трак- тирщикомъ и проститься съ нѣжною францу- женкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опять чув- ствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ ма- ленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа Н. Н. ахнула, а трактирщикъ, стоявшій у две- рей, захохоталъ во все горло. Бѣлку ста- щили съ головы моего пріятели и маленькій Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ господина Б*?* Учтивый пріятель мой увѣрялъ госпожу Н. Н., что ему не приклю- чилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. «Ахъ, государь мой!» сказала она:

«я вижу кровь, я вижу кровь!... и бѣлымъ своимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня!» отвѣчала Б*, будучи тронуть до глубины сердца: «какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ, и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.» Госпожа Н. Н. подарила ему трубочку англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нея адресъ ея и записавъ ей наши имена. Маленькій Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая французенка смотрѣла изъ окна, когда мы сѣлились. Простите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькій Пьеръ, кивая головою.

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа, велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодого чело-вѣка, который со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ» — отвѣчали намъ вдругъ чело-вѣка четыре: «у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать.» — Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцарцы! пустите его! — «Нѣтъ, его надобно наказать,

чтобы онъ пересталъ красть» — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцарцы, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки, — сказалъ я и пошелъ къ своей каретѣ. — Можетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убійствахъ совѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ счастливой Гельвеціи. —

Спускаясь въ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство, и все сіе пространство усѣяно щедротами природы. Здѣсь мы почувемъ, а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

Цирихъ.

Съ отминымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отминымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселія окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро и на красные его берега.

Мы приѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой

шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ и черезъ минуту показался сухой, высокій, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ и, услышавъ, что я тотъ москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома.» — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ съ надписью: *Физиономическій кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиономическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсъ вамъ, друзья мои, что сдѣ-

ланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не всѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе и, услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта или вы приведете меня краску. Улыбнитесь про себя насчетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ ученыхъ, къ профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятели. Небольшой человѣкъ съ пронцательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели удругихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое, однакожъ первое впечатлѣніе осталось и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ними сходства въ наружной формѣ частей лица,

однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мой, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч., и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелью новой физиономики, метопоскопії, хиромантіи, подоскопії — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцарцы курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Если бы я хотѣлъ вообразить со-
«вершеннаго министра, то представилъ бы себѣ
«Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣ-
«няютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе
«есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ
«великимъ, такъ какъ Ньютонъ, Вольтеръ и пр.
«Великость его есть приобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ
«изъ себя все возможное.» Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ короля и національнаго собранія и, посвятивъ сердечный вздохъ покойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры*), возвратиться въ бурный

*) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть счастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ ичто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясаю-

Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ ученыхъ и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было, потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть ичто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но

щихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію и взываетъ съ царемъ Леаромъ или Лиромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you clements, with unkindness; I called not you my children; I never gave you kingdom («Шумите, свирѣпыя вѣтры, шумите! я не жалуясь «на свирѣпость вашу, раздраженный стихій! вы не дѣти «мон; вамъ не отдавалъ я царства.») Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его Sur l'administration de M. Nekker, par lui-même, едва могъ я отъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали икогда: «да здравствуетъ нація, король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе, а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть и, чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

„Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ природы; въ тебѣ цѣлительнъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною лютя.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ

въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ груди ея пиемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.“

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафрокѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякій чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цирихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наскутить, но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ — поговорили о французской революціи и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ или требовать совѣта, или просить

милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца и давалъ, что могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцемъ Липсомъ, который недавно пріѣхалъ изъ Италіи и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многія улицы или переулки не будутъ и въ сажень ширину.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Телль спибы яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ императорскаго губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Грей къ реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ еврейскихъ и греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцати-лѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Несчастливая Грей!

ты была украшеніемъ своего времени и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти объѣхать къ деревенскому священнику Т*. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. «Удивительно ли (сказалъ мнѣ г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины), удивительно ли, что Швейцарцы такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красотъ здѣсь разсѣяно!» — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлю нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный священникъ со всеми знаками дружеской любви. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служить образцемъ красоты.

Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакій, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя*). — «Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафатеръ), который знакомъ съ вашею родственницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку и выпилъ бы еще десять, если бы красавицы не перестали меня подчивать. — Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкапъ съ книгами и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ. Вы конечно любите поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романтической землѣ*, отвѣчалъ онъ, *какъ не любить поэзіи*. Между тѣмъ мы отдохнули и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣлы нашему зрѣнію. — Если мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ, если сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія, если уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ эту пустыню, кото-

*) Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти!

рую сама натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и природы. — Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ московскимъ пріателемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякій взялъ листочекъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякій долженъ былъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который ему достался и написать новый. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли вслухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны, а Лафатеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель?* отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ*. Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человѣку, который умираетъ съ голоду, а дай ему ку-

сокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытаци его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человека для совершенія такого-то дѣла?* Отвѣтъ: *Нужна, если онъ живъ останется; не нужна, если онъ умретъ.* — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Отвѣтъ: *Люди.* Потомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. — Желалъ бы я, чтобы мы переняли у нѣмцевъ сіи острящія разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ.*)

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цюрихъ. Добродушный священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни, потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ В* идти нѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

*) Желаніе автора исполнилось: нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ полюбили играть въ вопросы и отвѣты

Эглизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ В* изъ Цюриха. Сперва шелъ я довольно бодро, но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самый ясный — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего В*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои, и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смиренно, минутъ съ пять не говорили ни слова и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, отвѣчалъ В*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.» — «Мы одно думаемъ», сказалъ я: «рѣка, съ пѣною и шумомъ ниспадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ

образомъ мы поговорили другъ съ другомъ и, боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я дотащить до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *Вьнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ считается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтанъ упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтанъ былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постель и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня, былъ я у кандидата Миллера, автора хорошо принятой книги, подъ титуломъ *Philosophische Aufsätze*, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали дивиться и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду

описывать вамъ славнаго деревяннаго моста, построеннаго не архитекторомъ, но плотникомъ, моста, который дрожить подъ ногами одного человѣка и по которому безъ всякой опасности ѣздить самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чѣмъ ближе подѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже и вошли въ галерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемая ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски,

на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревушій концертъ, оглушающій душу! Феномень дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то не изглаголанномъ! Я наслаждался — и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей, но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока) — а другой камень едва

держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфентъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его, но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

Эглазау.

Шумяція волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленые рѣшетки вѣтвистыхъ деревьевъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчиваютъ высокій берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые состав-

ляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ природы—ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цюриху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодочнику новый французскій талеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости—всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цюриха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра воскресенье и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется прійти туда къ сему времени. — Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

Корчма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закатилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было идти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слу-

шали — но ни одинъ листочекъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилицу уединеннаго бога лѣсовъ и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвію. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ повѣялъ сильный, холодный вѣтеръ и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказала трактирщикъ и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было нечего и, пожавъ плечами, при-

нялись мы за ужинъ. Потомъ хозяинъ проводилъ насъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькій чуланъ, гдѣ мы нашли постель, очень не мягкую и не чистую; однакожь усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожь я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, итти въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ и небо прояснилось, скоро будетъ свѣтать.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шель изъ церкви; и такимъ образомъ въ сіе воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мужчины и женщины, которыя мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по праздничному: первые большею частію въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длинномъ платьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики, или покрывала. Праздничное платье Цирихскихъ сенаторовъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ

крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ ходятъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ. Вы можете собрать подписку и увѣрить публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного необдуманнаго слова.» Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? найдутся ли у насъ читатели для такой книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь, чтобъ ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Отъ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасный лугъ, на берегу рѣки Лимматы, осѣняемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Такой обычай въ Цирихъ: всякій встрѣчающійся на улицѣ челоуѣкъ говоритъ вамъ *добрый день* или *добрый вечеръ!* Учтивость хороша, однакожь рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафатеру и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ

его семействомъ, кромѣ сына, который теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь нехороша лицомъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, если онъ не платитъ имъ такую же бранью. Пфенингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости и чело-вѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великій чело-вѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

Бадень.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною на-

всегда, говоря, что я непременно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ неперемѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій.

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали англійскія, нѣмецкія и французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ ногами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляеть ихъ просить милостыни; имъ нравится только сей легкій способъ получать деньги. — Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться

большими — могут распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ республикахъ. Тогда, любезные Швейцарцы, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларискаго кантоновъ и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquaе Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику и потому самые дѣйствительнѣйшіе — бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человекъ двадцать, опусясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча и пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у воды до осьми сотъ прѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинныя рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на сатировъ. — Въ швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отменно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного баденскаго горшечника написано: *Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschirr auf's Feuer und glüht* (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огонь горитъ*) — а надъ другимъ: *Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaf genannt* (*сохрани насъ Господь отъ пожара почною порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: *ihr Menschen thut Buss', denn dies Haus heist zum Rindsfuss* (*о человекъ! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою*) — а вторая: *Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus heisst zur schwarzen Sau* (*на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется черною свищею*). Друзья мои! въ вольной землѣ всякій воленъ дурачиться и писать, что ему угодно. Всякій желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ приемахъ своихъ на-

слаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходить. — Поселяне швейцарскіе любятъ расписывать свои дома разными красками и фигурами; по большой части изображаются тутъ древніе герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги, иногда же гербы кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint' und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. *когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцарцевъ*).

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вльца*: такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому доктору Ренгеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково, и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожь красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города и сверхъ того весьма полезная въ

случаѣ пожара. Дома почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобныя для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семь домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную бібліотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренгеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, который есть гербъ сего кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что герцогъ Церингенскій, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*. — Въ бібліотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ

картинъ, но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сія горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины, и даже маленькія дроздки. Но *рельефъ* генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человекъ съ удивительною неутомимостію странствовалъ по горамъ, срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпионъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ бібліотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ каѳедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркій полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашель я на

камень слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія и въ память потомству положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольд Веинценфли, студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади и потомъ, бывъ 30 лѣтъ священникомъ церкви въ Керцеръ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года.* Хотя иному чудно покажется, что человекъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться, однакожъ это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на студентѣ былъ тогда широкій плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуха, удерживалъ его въ паденіи и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцарца, и вечеромъ ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's, der der Berge Spitzen
röthet mit Blitzen! (*Богъ краситъ молніями
вѣнцы горъ*). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣд-

ность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменою и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтъ жизни!* Мнѣ стало грустно — и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ поутру былъ я у проповѣдника Виттенбаха, ученаго натуралиста, который перевелъ на нѣмецкій языкъ *Сосюраова Путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *Краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ* и сочиняетъ теперь *Описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи*. Хотя онъ не одного вкуса со мною и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія, и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенный профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную — а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно! — Виттенбахъ, путешествуя всякій годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда

(говорить онъ), когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ.»

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными французами. Онъ не дуренъ собою и хочетъ показываться веселымъ, но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемены бываютъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Счастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незванымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вилца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, французовъ и англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодня за ужиномъ бѣдный италіанскій музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ и хотѣли, чтобы онъ рассказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣнни,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣнни
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю — и въ сердцѣ горя нѣтъ!....
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Феромъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои!
сказалъ онъ по-французски: *) я странствую
по свѣту и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ
цѣнить таланты.» *Браво! браво!* закричали
Англичане и бросили ему еще нѣсколько та-
леровъ.

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ
горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ
собою возьму только теплый сюртукъ, половину
бѣлья своего, запишную книжку и карандашъ.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно
продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ по-
крыты онѣ виноградными садами, въ другихъ
елями. Чистые ручьи ниспадаютъ съ камней.
Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, не-
вѣжества и — можетъ быть — спокойствія.

*) Пѣсню пѣлъ онъ на итальянскомъ языкѣ.

Вѣчная премудрость! какое разнообразіе въ
твоёмъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ
высокой горы, гдѣ журчитъ маленькій ручеекъ,
проводялъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій
изъ христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія до-
нынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый
замокъ Шпицъ, который принадлежалъ нѣкогда
Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знат-
нѣйшей въ Бернской республикѣ. Многіе изъ
Бубенберговъ оказали отечеству важныя услу-
ги и пролили кровь свою для славы его. По-
слѣдними отраслями сего дома были Леонардъ
и Амалия, прекрасный юноша и прекрасная
сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ
Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по
нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился
на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за
брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось
въ одно время. Всѣ праздновали день сей,
въ который два первые дома соединялись тѣс-
нымъ союзомъ родства; всѣ радовались моло-
дымъ супругамъ, равно юнымъ и равно пре-
краснымъ. Утѣхи свадебнаго торжества были
безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда ново-
брачные и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тун-
скому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій
вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ весе-
лыхъ гребцовъ и лобызалъ юныхъ красавицъ,
играя ихъ волосами; мелкія волны пѣнились

подъ лодкою и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались. Уже наступалъ вечеръ и плаватели безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва старались они ободрять гребцовъ и кормчаго и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, который доплылъ до берега и принесъ вѣсть о гибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкъ древній родъ Бубенберговъ и замокъ ихъ достался въ наслѣдство дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ кантонѣ. — Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ,
въ 9 часовъ утра

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно, но скоро почувствовалъ я жаръ и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ.

Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно свое всемогущество, свое величїе, свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова, но я никогда такъ усердно не молился, какъ съ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствиі горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо¹ человѣка остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на котормъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды *), забываетъ онъ время и мыслію сво-

*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ и всякую зиму прибавляются на нихъ новыя снѣжные слои. Если бы можно было перечестъ сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

ею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинокъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ, но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится и что я хочу остаться у нихъ и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижины около часа по отлогому скату—мимо стада, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени—начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже виденъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*, а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льда, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ французскимъ писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо и что сей путешественникъ или писатель имѣлъ питическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ

волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ несчастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко входу мѣста: но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предастъ меня судьбѣ моей, но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и храбро преодолевалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью, спустился опять внизъ и пришелъ въ Гриндельвальдъ, если не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъерна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожь отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохлладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемый *розенлавицлетшергъ*, самый прекраснѣйшій изъ швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ, дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упали кипящія ручьи и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасныя благовонныя луга, какихъ лучше вообразить нельзя — и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ приятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и сѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣсколькимъ минутъ, и если не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаются однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры и черезъ Валисцевъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные амбары

построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отовсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня, но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣждалъ къ ручью, зачерпнулъ воды и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человекъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! *) Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе чело-вѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и кото-

*) Когда же?

рыя насъ подлинно счастливыми дѣлають — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовью (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣгу никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзають нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему счастья; — но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ перервалъ нить моихъ размышленій. Что это значить? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. «Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.» — Хотя путешествующій по швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно, однакожь мнѣ очень хо-

тѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ общалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодотворную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодотворные лѣсочки и между ними маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ — рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ своего сердца! Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокій пригорокъ и спуститься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пять-

десять отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожь я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростию воды ископанной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которую волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подымается, будучи отвержена его вѣчнокипящею пучиною и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыма! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!.. Рейнь и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякій, имѣющій чувство; но кто можетъ изобразить или кистию или словами?—Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня и притомъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухѣ силою падающей воды), что, боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякій, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе

трехъ верстѣ и дорога была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека, но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени, потому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечныя отпрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ и, согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко вѣтергомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростию, что заливаютъ дома поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь натура, столь пре-

красны и люди, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдка не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, если я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою, на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. Здѣсь нашель я очень хорошій трактиръ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинь, въ рощицахъ, по лугамъ и, возвращаясь въ деревню, нашель подлѣ одного домика множество молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная томность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и пастушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: «ты счастливъ, мой другъ!» Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ пастушкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Пастухъ съ улыбкою по

смотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились. Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какойнибудь памятникъ, который бы, втеченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердець. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золотую, а мѣдную, но у меня не было ничего болѣе — медаль, на которой изображена голова греческаго юноши и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. «Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.» Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. «Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.» — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — «Въ Россіи.» — *Въ Россіи!... Да, я слыжалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да идѣ-бишь она?* — «Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ сѣверу.» — *Точно я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептывались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, который повертѣлъ ее въ рукахъ и опять возвратилъ ей.

Дерева Трахтъ, на берегу Брицкаго озера
въ 8 часовъ вечера.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ и лице мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ долиною, и хотя очень пріятна, однакожъ не могу сказать объ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашель я шумный праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются, и когда одинъ другаго повалитъ, зрители кричатъ: *bravo!* Между тѣмъ я сижу подь окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ трактирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ? — Будьте здоровы и благополучны.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней и притомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно, то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Третьяго дня водилъ меня пасторъ Штапферъ къ господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе швейцарскихъ птицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасный, за городомъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ него самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность привратника. Комнаты прибраны со вкусомъ и все отмѣнно чисто. Сей старикъ богатъ — наслаждается натурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ былъ бѣденъ и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника. — Учась орнитологіи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ, анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ и которое не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гин-

дельбанкъ, находящуюся въ двухъ французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной жены*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знатный Бернскій гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ нѣмецкаго художника Наля и подрядилъ его сдѣлать мраморный монументъ отцу своему. Наль, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у проповѣдника той деревни, г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышный Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортить; но его не слушали и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!*

Онъ представилъ мать (прекрасная греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаетъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія

мысль прекрасна и доказываетъ піитическій духъ художника; работа отвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный гласъ! онъ проникаетъ въ могилу. «Пробудись, сынъ мой и сложи съ себя тлѣнность! Спѣши во срѣтеніе твоему Искупителю, «отъ Котораго бѣжитъ смерть и время! въ «вѣчное благо превращается все страданіе.» Надпись хороша, но для перваго мгновенія, въ которомъ представлена воскресающая, слишкомъ плодovitа. Лучше, если бы она сказала только: *Трубный гласъ!... Пробудись, сынъ мой! се Спаситель!* — Нѣкоторые думаютъ, что художникъ не искусственно представилъ распавшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но ревностные защитники искусства смѣются надъ сею мыслию. Пыше Галлеровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писанія: *Се азъ и чадо мое, еже далъ ми еси Ты.* Жаль только, что сей прекрасный монументъ стоитъ очень дурно! Онъ скрытъ подъ поломъ, и чтобы видѣть его, то надобно поднять двѣ доски. Объ Эрлахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу ни слова: художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили. — Нынешній Гиндельбанкскій проповѣдникъ не могъ подружиться съ Налемъ; въ фізіономіи его не примѣтилъ я ничего пастырскаго. Какъ онъ учитъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкъ есть бѣд-

ный трактиръ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; отобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Бернскій аристократизмъ почитается самымъ строжайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ республикѣ; изъ нихъ составляется Большой Совѣтъ и Сенатъ (изъ которыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власть); изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернскій кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ.

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями каштановыхъ деревьевъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцарецъ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякій день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду

изъ Берна, и не хочеть прощаться со мною. Чувствительный человекъ!

Здѣсь расстаюсь съ нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и золотая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ воскресный; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?* — «Гдѣ? — *Здѣсь, на правой сторонѣ дороги.* — Я выскочилъ изъ кареты и увидѣлъ за желѣзною решеткою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ европейскихъ государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвеціи и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтные знамена возбѣя-

лись и земля застонала подъ тяжестью его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карль, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ*) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцарцы сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный слуга вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карль, обративъ взоръ на поле сраженія и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изступленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, сказавъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ и положили ихъ близь дороги, гдѣ лежатъ онѣ и понынѣ.

*) Посредствомъ сигналовъ.

Я затрепеталъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей глѣбности. Швейцарцы! не уже ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеємъ*? Бургундцы по человечеству были вамъ братья. Ахъ! если бы, омочивъ слезами сіи остатки тридцати тысячъ несчастныхъ, вы съ благословеніемъ предали ихъ землѣ и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черный монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцарцы сражались за свое отечество, побѣдили, но сожалѣли о побѣжденныхъ* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцахъ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцарца, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ.

Сверхъ того написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человѣка къ распространенію бытія своего, или слуха объ немъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали этотъ гробъ, берутъ изъ него кости: я не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

Далѣе за Муртеномъ представились мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія изъ остатка колоннадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ и проч.

Гдѣ великолѣпіе сего города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... Гдѣ будутъ стоять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу тѣхъ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я пріѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ и все молчало, кромѣ тагъ называемаго ночнаго караульщика, который, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остановиться въ трактирѣ *Zo-lotago льва*, но на стукъ мой отвѣчали такъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein!* (все занято, государь мой, все занято!) Я поступался въ другомъ трактирѣ, à la Couronne, но и тамъ отвѣчали мнѣ: *tout est plein, Monsieur!* — Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ сжалился надо мною и, подошедши къ запертымъ дверямъ трактира, увѣрялъ сонливаго отвѣчателя, что *Monsieur est un voyageur de qualité* (что пріѣхавшій господинъ не изъ простыхъ путешественниковъ); но намъ тѣмъ же голосомъ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи господину путешественнику!* — *C'est*

impertinent ça (это безстыдно!) сказалъ мой заступникъ: «подите за мною въ трактиръ *Олея*, гдѣ васъ вѣрно примутъ.» — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли и отвели мнѣ изрядную комнату. Добродушный караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, отказался отъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему отъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозанѣ нашелъ добраго челоуька, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поутру исходилъ я весь городъ и могу сказать, что онъ очень не хорошъ; лежитъ отчасти въ ямѣ, отчасти на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаться съ горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ открываются живописные виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣпь савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разсѣянные по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Нюнь — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда судьба велитъ вамъ быть въ Лозанѣ, то взойдите на террасу каѳедральной церкви и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекло тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Если бы теперь спросили меня: чѣмъ нельзя никогда насытиться?

то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ г. Леваду (натуралисту и автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбили; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ латинскія, французскія и англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддисоновой оды, въ которой поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятныя имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Счастливъ г. Левадъ, если въ Аддисоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственныя свои чувства! — Сія ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно читать французскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейный домъ, пока

буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ несчастію, нельзя прогуливаться: почти съ самаго утра идетъ пресильный дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми англичанами, которые пріѣзжаютъ сюда учиться по-французски и — дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ нѣмецкихъ университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь: чему доказательствомъ служитъ и то, что самыя Швейцарцы, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи, и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ пансіонахъ, платя за то шесть или семь луидоровъ въ мѣсяцъ: что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій, ученый натуралистъ. По любви къ наукамъ отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный

родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ натура столь великолѣпна и гдѣ склонность его находить для себя болѣе пищи — живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ природы и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

Сію минуту пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена герцогиня курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила природу и поэзію; натура и музы Британіи, вмѣстѣ въ музѣ германскими, образовали духъ и сердце ея.

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ — и съ Руссою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразныя уступы и возвышенія горы Юры, на которыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые дуга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Веве (до котораго отъ Лозаны четыре франц. мили) и, остановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ которыхъ отчаянный Сень-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро.

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная какъ я люблю Руссо и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семь романъ много неестественнаго, много уве-

личеннаго — однимъ словомъ, много *романическаго* — однакожь на французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и нѣмецкій *Вертеръ**). — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; всѣ описанія его такъ живы и притомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (*esplanade*), которая была столь привлекательна для несчастнаго Сень-Прё. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не велитъ искать здѣсь слѣдовъ ея! Жестокій! ты описалъ намъ такое прекрасное существо и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните это мѣсто въ его *Confessions*: «Я скажу всѣмъ, чмѣющимъ вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: «поѣзжайте въ Веве, «осмотрите его окрестности, гуляйте по озеру — и вы согласитесь, что сіи прекрасныя мѣста достойны Юліи, Крелы и Сень-Прё; «но не ищите ихъ тамъ». — Коксъ, извѣстный англійскій путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ деревнѣ Мельери, но это несправедливо. Господинъ де Л*, о которомъ вы слышали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ

*) Основаніе романа то же и положенія (*situations*) въ *Вертерѣ* взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе натуры.

въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ*, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Парижа.

Отдохнувъ въ трактирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанъ*. Высокія густыя деревья скрываютъ его отъ нетерпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ и увидѣлъ — бѣдную маленькую деревеньку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. Въмѣсто жилища Юліина, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старый замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ жителей знаютъ новую Элоизу и весьма довольны тѣмъ, что великій Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работающій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ новую Элоизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и тотъ лѣсокъ, въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первый разъ страстнаго Сен-Прё и магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его. — За деревенькою волны озера омывають стѣны укрѣпленнаго замка Шильона; унылый шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежитъ Вильнёвъ, маленькій городокъ; но я посмотрѣлъ на него издали и возвратился въ Веве.

О семь городѣ скажу вамъ, что положеніе его — на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, противъ дикихъ савойскихъ утесовъ и подлѣ горъ плодоносныхъ — очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы равны; есть хорошіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне французской Швейцаріи, или Pays de-Vaub; за всѣмъ тѣмъ Вева не кажется многлюднымъ городомъ.

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а во вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самыя нравы у французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткость и холодность, свойственную Швейцарцамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, оригинальность! вы во всемъ драгоценны; вы занимаете, питаете мою душу — всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ кафедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлдвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а complimentъ начальникамъ и всему красному роду Лозанѣ былъ заключеніемъ. Я посматри-

валъ то на проповѣдника, то на слушателей; вообразилъ себѣ нашего П., знам. священника, Лафатера — пожалъ плечами и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе — Йоригъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Venon, нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцарцы, французы, англичане, нѣмцы, итальянцы толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савойи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносныя сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ вѣтеркѣ, несущемся съ противоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ савойскихъ.

Женева. Октября 2. 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ, милые! Если бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю судьбу! Если счастье ваше несовершенно, если — — *) Друзья мои! болѣе ничего не скажу;

*) Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для публики.

но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минуты, чтобы сдѣлать жизнь вашу цѣпю минутъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь — мы будемъ счастливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которыя впрочемъ не такъ хорошо обработаны, какъ въ нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Raus-de-Vaub гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цюрихскомъ кантонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбился мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хорошъ. По рекомендательнымъ письмамъ отворенъ мнѣ входъ въ первые дома. Образъ жизни Женевцевъ свободенъ и пріятенъ — чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилась отъ множества любопытныхъ и безпрестанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохновеніе — нуженъ тонкій, сладостный, питательный сонъ на персяхъ любезной природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За десять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домѣ, завелъ свой чай и кофе, а обѣдаю въ пансіонѣ, платя за то рубли четыре въ недѣлю.

Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь новый образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Вставъ рано поутру и надѣвъ свой походный сюртукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто; отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь трактирѣ; или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савоии (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, который варитъ мнѣ хозяйка моя, мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей и гдѣ рассказываются вѣсти; гдѣ разсуждаютъ о французскихъ дѣлахъ, о декретахъ національнаго собранія, о Неккерѣ, о графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театръ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончится вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большей части въ вистъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ, короткихъ хозяину пріят-

телей, которые остаются у него ужинать. На сих *вечеринкахъ* собирается человекъ по шестидесяти; тутъ видите вы знатныхъ французовъ, оставившихъ свое отечество — нѣмецкихъ принцевъ, англичанъ, и всего менѣе Женевцевъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ начальниковъ или синдиковъ здѣшней республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ испанцемъ, который десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность совѣтника при испанскомъ посольствѣ, и который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Лионѣ, а лѣто въ Швейцаріи. Баронъ де Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшей гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, наследника высокаго Готскаго трона. Вы слышали о баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, который можетъ безъ всякаго суда — отъ чего Боже сохрани! — снять съ него шляпу и голову... Вчера позвалъ меня ужинать г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не готовъ былъ принимать гостей и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хо-

зяйка и начали собираться гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой баронъ, надъ которымъ Женевскія дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки: баронъ брался все отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все невпопадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: *pour riquer son cheval* (чтобы шпорить свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ баронъ: *c'est tout clair! ничто не можетъ быть яснѣе!* Еще: *что находится au milieu de Paris* (въ срединѣ Парижа)? Баронъ, который недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь*. Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись и наконецъ объявили, что *au milieu de Paris* находится г. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ баронъ и все захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской республики, спрашивала меня о московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Отвѣтъ: *прекрасны*. Вопросъ: *умны ли онѣ?* Отвѣтъ: *безпримѣрно*. Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Отвѣтъ: *безподобны*. Вопросъ: *какого рода?* Отвѣтъ: *молитвы*. — *Vous badinez, Monsieur! Вы шутите!* «Извините, сударыня, я говорю точную правду.» — *Да разве онѣ очень много грѣшатъ?* — Нѣтъ, сударыня; онѣ молятся

о томъ, чтобы не грѣшить.» — *А! это другое дѣло!* — Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку и мы пошли ужинать.

Кто, будучи въ Женевской республикѣ, не почтеть за пріятную должность быть въ Ферней, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ писателей нашего вѣка.

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ нѣмцемъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домомъ на лѣвой сторонѣ увидѣли мы маленькую церковь съ надписью: *Вольтеръ Богу*.

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое госпожа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черныи монументъ съ надписью: *son esprit*

est partout et son coeur est ici (духъ его всюду, сердце его здѣсь), выше: *mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous (тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ)*. На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей Императрицы (шитый на шелковой матеріи съ надписью: *présenté à Mr. Voltaire par l'auteur*, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ бѣльшимъ примѣчаніемъ и съ бѣльшимъ удовольствіемъ, нежели на другіе); второй покойнаго прусскаго короля; третій Лекеня, славнаго Парижскаго актера; четвертый самого Вольтера и (пятый) маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Ньютона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины неважны. Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трѣгалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ авторовъ осьмагонадесяти вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесяти вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Ев-

ропѣ. *) — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ и никакая философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя гений природы, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бывають только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякій любитъся пареніемъ весенняго жаворонка, но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красоту *Заиры*? но многіе ли удивляются *Отеллу*?**)

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ бы изъ оконъ своихъ видѣть *Блую Савайскую гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными

*) Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отячалъ истиной христіанской религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ лжебѣ.

***) Тогда я такъ думалъ!

равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейскій садъ разведенъ имъ самимъ и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная аллея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистый прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревьевъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерова твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальномъ словѣ:

«Подданные, лишеныя отца и господина «своего, и дѣти ихъ, наслѣдники его благодѣяній, скажутъ страннику, который уклонится «отъ пути своего, чтобы видѣть Ферней: *Вотъ «домы, имъ построеныя — убѣжище, которое «далъ онъ полезнымъ искусствамъ**) — поля, «которыя обогатилъ онъ плодами. Сіе много- «любное и цвѣтущее селеніе родилось подъ его «смотрѣніемъ, родилось среди пустыни. *Вотъ «рощи, дороги и тропинки, гдѣ мы столь часто «его видали. Здѣсь горестное Каласово семей- «ство окружило своего покровителя; здѣсь сіи «несчастныя обнимали колѣна его. Сіе дерево «посвящено благодарностію и стѣкира никогда «не отдѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ*

*) Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить Женеву.

«его тѣнью, когда разоренные поселяне пришли
«требовать его помощи; тутъ проливалъ онъ
«слезы сожалѣнія и скорбь бѣдныхъ превра-
«тилъ въ радость. Въ семь мѣсть видѣли
«мы его въ послѣдній разъ — — и внимаю-
«щій странникъ, который при чтеніи Заиры
«не могъ удержать слезъ своихъ, прольетъ, мо-
«жетъ быть, еще пріятнѣйшія въ память бла-
«готворителя.»

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми англичанами и пили очень хорошее французское вино, желая блаженства душъ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *Серкли*, которыхъ здѣсь очень много и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи милліоны и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы французы не сказались банкротами: отъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые дома. Но тебя, бѣдный сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Ви-

зирь два раза разбить, Бѣлградъ взять — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучать рюмки, стаканы, когда слава протрубить счастливый подвигъ сыновъ твоихъ; рейнвейнъ и вино токайское пѣнятся въ кубкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ бардовъ. Германія, для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домигѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола одни катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли *въ шары* или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семь пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись, наступилъ на змѣю и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ: но если натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся.*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue Nr. 17. На сей разъ простите!

Женева.

Вы можете быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, который живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женева, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ: почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго философа и натуралиста. Но третьяго-дня г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы приѣхали къ нему поутру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ русскій путешественникъ желаетъ быть у него — и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ философа, увидѣлъ Боннета и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обветшалую свинію, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ тѣлесной жизни, ежедневно собираетъ летѣть

обратно въ свою отчизну — однимъ словомъ, развалины великаго Боннета. Что же нашелъ? хотя старца, но весьма бодрого — старца, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни — старца, котораго голосъ еще твердъ и приятенъ — однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй *Палингенезіи**) Онъ встрѣтилъ меня почти у самыхъ дверей и съ ласковымъ взоромъ подаль мнѣ руку. «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ я, который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно.» *Я всегда радуюсь*, отвѣчалъ онъ, *когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе*, сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *чувства мои тупнютъ.* Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною, какъ съ равнымъ себѣ, и

*) Титулъ одного изъ его сочиненій.

всякій комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая разница между нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу, какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, который хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть равенъ: я говорилъ съ философомъ, всему свѣту извѣстнымъ и всѣми превозносимымъ, а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на русскій языкъ. «Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ. Съ *Созерцанія природы* (Contemplation de la nature) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній для человѣка. — Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ Contemplation), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведа *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!» — Ему непріятно, что на англійскій и нѣ-

мецкій языкъ переведено *Созерцаніе природы* безъ его вѣдома. *Когда авторъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то надлежало бы у него спроситься*. — Боннетъ хвалитъ одинъ Спаланцаніевъ переводъ, а нѣмецкимъ переводчикомъ, профессоромъ Тиціусомъ, весьма недоволенъ потому, что сей ученый германецъ думалъ поправлять его и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія сочинителевы. Я сказалъ Боннету, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. На примѣръ начало: je m'éleve à la raison éternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft: грубая ошибка! Вмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache; подъ словомъ raison разумѣлъ авторъ *причину*, а не *разумъ*. Боннетъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалитъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него философіи. — Лафатеръ, будучи недавно въ гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! иди ты увидишь такую голову, тамъ учишь мудрости*.

Говоря о честолюбіи авторскомъ, Боннетъ сказалъ: «Пусть сочинители ищутъ славы! Трудясь для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству, ибо премуд-

рый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.»

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ ритормъ, слогъ его музыкаю, а философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патриотомъ, Боннетъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ *Lettres écrites de la montagne* не пощадилъ Женевскаго правительства.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои бібліотеки и читаютъ не только романы и стихи, но и философическія книги.»—И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера и что Женевскія дамы, въ домѣ у господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодого графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенный старецъ проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ.

Женева.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться и часто, взявъ въ карманъ лудора три и записную книжку, странствую по Савоіи, Швейцаріи, или Pays de Gex, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Недавно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ фурии, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревьевъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблѣвшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь» думалъ я, «здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... Здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ — нѣтъ! Тутъ слышалось мнѣ, что и лѣсъ и дуга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ

зимы лежалъ на природѣ. — Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось въ всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ея и правилъ ея вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нѣшателя — какъ будто бы за то, что небо одарило его отміннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Руссо *) пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ конечно не можетъ понять блаженства сего рода — блаженства сей *субботы*, которою наслаждаются одни великіе духи при концѣ земнаго странствованія и которая готовится ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

*) Въ Promenades solitaires.

Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома перервалъ его и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на семь островѣ, если вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать несчастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» Нѣтъ, слабый старецъ долженъ проститься съ любезнымъ своимъ островомъ — и послѣ того говорить, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ тотъ, кто никогда не любилъ челоуѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости и вдругъ увидѣлъ молодаго челоуѣка, который, нахлобучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня и, сказавъ: *Vous pensez à lui (вы объ немъ думаете)*, пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотреть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ управитель съ семействомъ сво-

имъ; тутъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большей части Руссовымъ.

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нѣшателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библиотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство, но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ разодранныхъ рубищахъ, множество нищихъ, — вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе офицеры! Несчастливая земля! Несчастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣды или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, если хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и тишина царствуютъ въ Женевѣ. Перемяна, происшедшая за нѣсколько

мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи республики, утверждена союзными державами: Франціею, кантономъ, Берномъ, Савоіею, и тѣ изъ гражданъ, которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Недавно выбирали новыхъ синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ церкви Св. Петра, подтвердили сей выборъ, кладя руку на библию. Первый синдикъ говорилъ рѣчь и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые синдиги, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галерею.

Недавно случился здѣсь слѣдующій комикопечальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, муштинъ и женщинъ, Женевцевъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой англичанинъ, — но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по аллеѣ и едва не передаливилъ гуляющихъ. Здѣшній полицейскій судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу пхать*, отвѣчала англичанинъ. — «Вамъ не позволять.» — «*Кто, кто мнѣ не позволитъ?*» — «Я, именемъ за-

гона.» Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежь!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трели* отрядъ здѣшной гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по аллеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физіономія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго британца, не смотря на его храброе сопротивление, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-англійски и, оборотившись къ караульному офицеру, сказалъ ему: *вся ваша республика не стоитъ слезы ея.* Увѣряютъ, что синдики за такое женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревьяхъ

порхали птички, махали крылышками и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ природѣ.

Наконецъ послѣдній разъ я былъ у Боннета и, говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не притворное. — Обѣщанныя примѣчанія къ *Contemplation* *) я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему проститься съ нимъ? *Онъ вашъ пріятель,* отвѣчалъ любезный старикъ: *и такъ во всякое время я буду радъ ему.* Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки! — Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. «Живите (скачалъ я), живите для блага человѣчества!» Онъ обнялъ меня — желалъ мнѣ счастья; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ! — Я затворилъ за собою дверь его

*) Quelques notes additionnelles pour la traduction en langue Russe de la *Contemplation de la nature*, par M....

кабинета, но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ вслѣдъ: adieu, cher K..., adieu! — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Лионъ, къ гг. Жилибергу и де-ла-Турету, директору и секретарю академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ — и едва не забылъ того времени, въ которое запираются городскія ворота. — Простите, друзья мои! Если вы здоровы, то я доволенъ судьбою и, получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — *Марта I.*

Горная деревенька въ Pays de Gex,
Марта 4, 1790, въ полночь.

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изъ Женевы, въ двумѣстной англійской каретѣ, которую нанялъ я до самаго Лиона за четьре лудидора съ талеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближались къ Юрѣ. Вся грусть

моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердце. Никогда еще не путешествовалъ я такъ приятно, съ такою удобностію. Добрый товарищъ, покойная карета, услужливый извозчикъ, перемѣна мѣста — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое счастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же веселъ, какъ и мы. Прекрасный выѣздъ!

Тамъ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысячелѣтій передъ симъ разступилась на своемъ основаніи, съ такимъ трескомъ, отъ котораго можетъ быть Альпы, Аппенины и Пиренеи задрожали, вѣхали мы во Францію при страшномъ сѣверномъ вѣтрѣ и были встрѣчены осмотриками, которые съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ отъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или *горные жители*. Они взглянули на меня гордо и оборотились опять къ огню, но услышавъ привѣтствіе мое: bonjour, mes amis! (*здравствуйте, друзья!*) приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скалъ, на пустыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное

уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Въмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться, какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ отрубковъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ.

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась, какъ гранитная стѣна — и на сихъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Нельзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду готовы упасть. — Насъ остановили въ первой французской крѣпости, *Форз де л'Екюзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человѣкъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячъ непріятелей. Тамонній гарнизонъ состоитъ изъ 150 инвалидовъ, подъ командою стараго майора, который долженъ былъ подписать имя свое на пропускъ нашему.

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились

мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату, развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте и пріятностію гармоніи услаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какую горою, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу.

6. Марта 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Со всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, въ которыя нельзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны

обсажено острыми камнями, а во глубинѣ или внизу нерѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплют зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скаль, заростають травою печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня меланхоліи во мшистой своей мантии сидитъ безмолвно на развалинахъ и неподвижными очами смотреть на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькають въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такія образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно развѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменные горы для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ естествомъ, и гранитныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и

въ лѣсу встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ, всѣ бѣлокуроыя и прекрасныя лицомъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! етеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешествующія англичанки: четверомѣстная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось немного проѣзжихъ.

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество; мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши — думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умолкли горныя вѣтры; пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ — про-

щайте, всё пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра.

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составить на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилъ я во французскихъ *обержахъ*: первое, что въ ужинѣ не подаютъ супа, слѣдственно *on soupe sans soupe*; второе, что на столъ кладутъ только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ.

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васъ дѣлается? спросилъ я. — «Сосѣдъ нашъ Андрей, (отвѣчала мнѣ молодая женщина) содержатель трактира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ плюетъ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецъ умиловались, дали ему проспаться и принудили его нынѣ публично въ церкви на колѣняхъ просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!»

Лионъ, 9. Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Лионъ*. *Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги и въ обширнѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первоклассному французскому городу, отдѣляя *Бресъ* отъ *Дюфинъ*, одной изъ пространнѣйшихъ французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Савойскихъ гигантовъ. — Издали казался Лионъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій. — Когда мы подѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышный! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы вѣхали въ набережную улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону, а на другой сторонѣ рѣки разсѣяны прекрасные лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ *Hôtel de Milan*. Четыре человека бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какою не видалъ

я ни на нѣмецкихъ, ни на швейцарскихъ лицахъ. Къ несчастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы итти въ комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней недавно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ — все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижскій танцовщикъ, въ послѣдній разъ общалъ веселить Лионскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами, какъ улей пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Если въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь! à bas! à bas!*

На другой день отвели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто де Теггаухъ передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бываетъ множество людей, кромѣ множества торговцевъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или

трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность перевозчиковъ: *не хотите ли перѣехать черезъ рѣку?* хотя мостовъ много и одинъ отъ другаго недалеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами — не маленькій городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ трехглавый *Монъ-Бланъ*, нашъ Женевскій знакомецъ) съ цѣпью Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограниченная область зрѣнія. Обширныя зеленыя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофине — равнины, гдѣ уже оперяется весна, отмѣнно милостивы. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, счастливыя цвѣтуція страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на марморномъ подножіи бронзовая статуя Лудовика XIV, такой же величины, какъ монументъ на-

шего Россійскаго Петра, хотя сіи два героя были весьма неравны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика, Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія, второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ французовъ принуждены были оставить отечество; второй привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцевъ — перваго уважаю какъ сильнаго царя, втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля. — При семъ случаѣ скажу, что мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служить разительнымъ образомъ того состоянія Россіи, въ которомъ была она до времени своего преобразователя. Не менѣе нравится мнѣ и краткая, сильная, многозначущая надпись: Петру Первому Екатерина Вторая. Что написано на монументѣ французскаго короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе тридцати человѣкъ сидѣло за столомъ. Всякій бралъ, что хотѣлъ. Счастливы, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобилень.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Маттисону, нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-нѣмецки; вы любите нѣмецкую литературу, нѣмецкое прямодушіе!* Съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца — не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, имъ недавно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его піесей. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою музу?* *Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Лионъ!* — Я также засмѣялся и пожалъ ему руку, увѣряя, что музу его люблю сердечно. — Отъ него пошелъ въ комедію. Играли *Руссова Деревенскаго колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что автору ея надлежало быть весьма чувствительнымъ! Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ парижѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтенеблскаго

театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, всѣ закричали: *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли — утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ, какъ вкопанный, и молчалъ — голосъ нетерпѣнія раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: *Messieurs! je suis pénétré de vos bontés — mon devoir m'appelle à Paris. Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ.* Довольно для публики! Рукоплесканіе и *bravo!* Вестрисъ доволенъ Лиономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Рим-

лянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водопроводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить нельзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушать цѣлые вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдохнуть въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, если бы они теперь воскресли и слышали мудрыя наши рассужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолубіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мезитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Въмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы. — Зданіе не

велико и состоитъ изъ коридоровъ, въ кото-
рые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя
вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились рос-
кошные Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то
какая нибудь Римская красавица, окруженная
толпою невольницъ, мылась ключевымъ кри-
сталломъ въ то самое время, когда прекрас-
ный юноша, плѣненный ея красотой, издалека
преселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны
и желалъ быть счастливымъ божествомъ источ-
ника, водою котораго освѣжалась прелестная!
— Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аре-
тузы, а почему, не знаю. Я началъ было
хвалить нѣжность мифологическихъ вымысловъ,
но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой,
садовникъ монастырскій, ни мало не хотѣлъ
слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ
я также читанное мною въ Луціановыхъ раз-
говорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда
они изъ бани возвращались домой, то передъ
ними шли всегда невольники, которые при
всякомъ камешкѣ, лежавшемъ на дорогѣ, кри-
чали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда
смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ!
«Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ
коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее.
Здѣсь мой погребъ, отвѣчалъ онъ — *и мнѣ очень
приятно, что всѣ путешественники любопытству-
ютъ его видѣть.* — Съ удовольствіемъ про-
былъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ
саду, разговаривая съ садовникомъ, который,

будучи весьма словоохотенъ, наставлялъ мнѣ
довольно всякой всячины о своихъ монахи-
няхъ. Старыя, говорить онъ, бранчивы, грубы
и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и гово-
рятъ — о политикѣ! а молодыя печальны, лю-
бить гулять въ темныхъ аллеяхъ, смотрѣтъ на
мѣсяцъ и — вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной
церкви древнихъ христіанъ. Тамъ, укрываясь
отъ гонителей, изливали они сердце свое въ
теплыхъ молитвахъ. Однакожъ и тамъ нашли
ихъ — кровь несчастныхъ жертвъ обограла по-
мость храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ
ихъ кости. Въ сей мрачной церкви многія жен-
щины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи мо-
лили Богу; иныя проливали слезы; нѣкото-
рыя въ священномъ восторгѣ ударили себя
въ грудь и прикасались блѣдными устами къ
хладному полу. И такъ во Франціи набож-
ность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ
все шумѣло и веселилось — танцовщики пры-
гали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы
народа изъявляли свое удовольствіе громкимъ
рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ
другомъ свѣтѣ. Какая земля! какая нація! —

Б* рассказывалъ намъ любопытные анек-
доты своего пѣшеходства, изъ которыхъ со-
общу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ малень-
кую лѣсную деревеньку и потребовалъ ночлега

въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь, но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ, какъ ягненокъ, и не дѣлаеть зла никакому животному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эроты и котораго Омфала могла бить по щегамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась, но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ мифологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ — сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Геркулеса и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ* «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ*. — «Есть молоко?» — *Нѣтъ*. — «Есть сыр?» — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ* Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скры-

лась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторые крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокій человекъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновый лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постель, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. Я *не войду первей*, говорилъ одинъ голосъ — *ни я*, говорилъ другой — *ступай ты*, говорилъ третій — *у тебя ружье; ты можешь достать его издали*, говорилъ четвертый. Мой Б* не трусь; однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ и что его, а не другаго, собираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча

и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревянный стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался топотъ и Датскій Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приблизился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго и сей несчастный, сѣвъ на нее верхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спасите своего старосту!* Но товарищи его стояли на одномъ мѣстѣ, дрожали отъ страха и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что непріатели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ и спрашивалъ, что они: разбойники, воры или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а всякій кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, соскучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенскій начальникъ лежалъ на землѣ и не кричалъ уже для того, что почиталъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поста-

вилъ на ноги и трясъ за воротъ, говорилъ ему: «если ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные и за кого меня принимаете?» Наконецъ староста дрожащимъ и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, который ходитъ всегда съ кортикомъ и съ собакою и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разувѣрить его, показалъ ему свой паспортъ и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрець пересталъ дрожать, облегчилъ вздохомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б* и сказалъ, прыгая отъ радости: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ къ гости; теперь повеселимся, господинъ докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ и бываетъ лучше инаго дня. Пойдемъ, пойдемъ, г. докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ дозволенія моего пріятеля надѣлъ на себя кортикъ*) и шляпу его и съ гордостію пошелъ впередъ,

*) Въ нѣмецкой землѣ носить кортики на ремнѣ черезъ плечо.

освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался общанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шель позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились выйтти на улицу и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный господинъ докторъ, который инкогнито странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно подвигъ свой. — Б* не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человекъ, сидя съ нимъ за столомъ, спрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ рассказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ кортикомъ и съ собакою, грабитъ проезжихъ и прохожихъ и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ не испугаетъ» — продолжалъ староста, выпивъ рюмки три вина: — «лишь бы попался мнѣ въ руки! — Такъ, господинъ докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой

былъ грозою всѣхъ разбойниковъ и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшной деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня. — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ и обѣщавъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и поглядывалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постель, накормилъ Геркулеса (забылъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни и простился съ нимъ дружески.

Гѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури,

освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью и напоминаетъ мнѣ тѣхъ духовъ въ Багватъ-Гетъ*), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокій нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, курить трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи: сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе-и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ.... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ или подъ вѣт-

*) Индѣйская книга.

вами столѣтнихъ дубовъ — какое превращеніе!... Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ природы всѣ знаки первобытной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять заустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козь своихъ) явятся здѣсь хищныя звѣри и заревутъ, какъ въ пустынѣ африканской!... Горестная мысль!

Наблюдайте движенія природы, читайте исторію народовъ, поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаетъ мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и худо-

жествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ Человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и если запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дня ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ кучомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экю; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже и притомъ несравненно лучше нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы; дороги прекрасныя; постильоны не лѣнны — города и деревни безпрестанно мельгаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому недостойны сожалѣнія; но я не могъ спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи разодранныя рубища!

Фонтенебло маленькій городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ французскіе короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святой Лудовикъ подписывалъ на указахъ: *donné en nos déserts de Fontainebleau (дано въ нашей пустынь Фонтенебло)*. Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ и украсилъ его лучшими произведеніями италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія и за два экю видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами, королевскія и королевины комнаты, также украшенныя превосходною

живописью и проч. Въ одной большой галлерей сего дворца показывают то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего штальмейстера и любовника, маркиза Мональдески. —

Парижъ, 27. Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азій, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ въ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу и буду въ немъ!» — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми

чувствами, — съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Ганплъ; противъ насъ Св. Антонія; а на лѣвой сторонѣ «за Сеною предмѣстіе С. Марсель, Мишель и «Жермень. Эта высокая готическая башня есть «древняя церковь Богоматери; сей новый вели- «колѣпный храмъ, котораго архитектурѣ вы конечно удивляетесь, есть храмъ Святой Жене- «вьевы, покровительницы Парижа; тамъ «вдали возвышается съ блестящимъ куполомъ «l'Hôtel Royal des Invalides, одно изъ огром- «нѣйшихъ Парижскихъ зданій, гдѣ короли и «отечество покоятъ заслуженныхъ престарѣ- «лыхъ воиновъ.»

Скоро вѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и людей въ разодранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?» (думалъ я) — «городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорация совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатыя лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; — безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разно-

образіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ привели меня въ нѣкоторое изумленіе. — Мнѣ казалось, что я, какъ маленькая песчинка, попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ *Hôtel Britannique*. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашлись для насъ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два лудора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями, бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила: *aimables étrangers — любезные иностранцы, почтенные иностранцы!* Купецъ, спутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ и уѣхалъ къ себѣ домой, а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя, какъ морскія волны, вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, *pont neuf*, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ королевъ французскихъ, Генриха IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ героя и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриховой

статуи, я пошелъ къ г. Брегету, который живетъ недалеко отъ Новаго моста на *Quai des morfondus*. Жена его приняла меня передъ каминомъ и, услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо — письмо отъ моихъ любезныхъ!... Вообразите радость вашего друга!... вы здоровы и благополучны!... Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ, какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ госпожу Брегетъ и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. — *Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть*. — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ рассказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась — но не могъ и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго, увидѣлъ письмо въ рукѣ моей, увидѣлъ мое лице — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрихъ, смотря на насъ, улыбался. *Pont neuf!* я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло, наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-рояль*, огромное зданіе, которое принадлежит герцогу Орлеанскому и которое называется столицей Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сияютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото, всѣ произведенія натуры и искусства, все, чѣмъ когда нибудь царская пышность украшалась, все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галлереяхъ и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галлерей и сѣли отдыхать въ каштановой аллеѣ, въ *Jardin du Palais Royal*. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленныя вѣтви, но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе, сладостные звуки нѣжной му-

зыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. —

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсинымъ островомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость...

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790.

Я въ Парижъ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... *я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльеръ въ поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на дома, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями, но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. — Те-

перь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отъиную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всё, кажется, перегоняютъ другъ друга, ловятъ, хватаютъ мысли, угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — на примѣрѣ, съ важными Швейцарцами, которые ходятъ всегда размеренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижскій житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Парижъ, Апрель... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили древніе, съ *яицъ Леды*, и объявить

съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютецію; что имя Парижскихъ жителей, Parisii, значитъ *народъ, покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя НВ. галльскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цезаря (перваго изъ древнихъ авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги, сочиненной императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цезарево былъ уже столицею Галліи, и что императоръ Іуліанъ умеръ-было въ немъ отъ угара?*) Окружить ли мнѣ себя твореніями Іоанна Готвиля, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Совалья, Дона Филибьеня, Коллетета, де-ла-Мара, Брисса, Буассо Праделя, ле-Мера, Монфокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою

*) Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, (говорить онъ) „она построена на острову и окружена стѣнами, „которые омываются водами рѣки, приятными для глазъ и „вкуса. Зима бываетъ тамъ обыкновенно не очень холодна, „но въ мое время морозы были такъ жестоки, что рѣка по- „крылась льдомъ. Жители нагрѣваютъ свои жилища посред- „ствомъ печей; но я не позволилъ развести огня въ моей „горницѣ, а велѣлъ только принести къ себѣ нѣсколько го- „рящихъ угольевъ. Паръ, который отъ нихъ распростра- „нился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня и я „ушалъ безъ чувства.“

пылью сихъ авторовъ и показать ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лайсъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые друиды, обожатели дубоваго лѣса? Итти ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колоннады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы «прочитаемъ Сент-Фуа, его *Essais sur Paris*, «и узнаемъ все то, что ты можешь сказать о «древности Парижа; скажи намъ только, ка- «ковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ «своемъ видѣ, и болѣе ничего не требуемъ.» — И такъ, оставляя почтенную старину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы вѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою

равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтранными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, страусовъ или альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладкая какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ вѣзжаете въ поля *Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевилли*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу:

видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ аллей или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ ле-Нотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ *поляхъ Елисейскихъ*, а такъ называемые *лучшіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучить множество каретъ — взгляните на все и скажите, каковъ Парижъ? Мало если назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицей великолѣпія и волшебства. Оставайтесь же здѣсь, если не хотите перемѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите... тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблоковъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — займете носъ и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы

сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ и вдругъ повѣтъ на васъ благоуханіе счастливой Аравіи или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ прованскихъ: значить, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты — такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сентъ-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, а особливо, когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы, или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима, по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи, не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ аллей, называемыхъ *буле-варами*; ихъ три: одна для каретъ, а два для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (à la boule) на зеленой травѣ, отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *буле-варъ*. Сначала на мѣстѣ аллей былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; деревья посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностію для занятія праздности — здѣсь комедія, тутъ опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирляндами, тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькій пріятный лѣсочекъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая нимфа или какой нибудь *филляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства природы: птицы американскія, звѣри африканскіе, колибри и страусы, тигры и крокодилы; тутъ молодой растрепанный

франтъ встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ.. маршируетъ отрядъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть булеваровъ*).

Такъ называемая *новая* часть представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ деревья сѣнисте, аллеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ, не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни англійскихъ, ни французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разсудренныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ въ своею

*) Между великолѣпными домами, къ нимъ примыкающими, замѣтилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человекъ умѣлъ не только странною комедіею вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкій свѣтскій человекъ, и хитрый придворный и расчетливый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаться жизнью. Домъ его смотрятъ любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячъ ливровъ.

женою и дочерью; тутъ по аллеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею невѣстою; тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, трудящіяся земледѣльцы; словомъ все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція, то есть Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ): что жъ бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые съ верху до низу наполнены людьми? Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многлюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію, 1,130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ — однакожъ снѣ два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работницы, савояры, поденщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хотите ли осмотрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другаго времени; вы устали, я также: надобно перемѣнить матерію или — кончить.

Парижъ, Апрѣля . . .

Въ четвертокъ, въ пятницу и въ субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ аллеяхъ Булонскаго лѣсу; *бывало*: потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячъ каретъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ и видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское, 1-го Мая. Также карета за каретою, отъ Елисейскихъ полей до монастыря Longchamp. Народъ стоялъ въ два ряда подлѣ дороги, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся непристойнымъ образомъ надъ гуляющими. На примѣръ: «Смотрите! вотъ ѣдетъ торговка изъ рыбнаго ряда съ своею «сосѣдкою, башмачницею! Вотъ красный носъ, «самый длинный во всемъ Парижѣ! Вотъ мо- «лодая кокетка въ 70 лѣтъ: влюбляйтесь!
«Вотъ философъ, который продаетъ свой умъ «за двѣ копѣйки!» Молодые франты прыгали

на англійскихъ коняхъ, заглядывали въ каждую карету и дразнили чернь: allons, allons, mes amis! de l'esprits, de l'esprits! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne! Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными деревянными саблями вмѣсто тростей pour se confondre avec le peuple.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ, съ головою болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf*) и облокотясь на подножіе Генриховой статуи, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣщались. Съ пріѣзда моего въ Парижъ всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немилovidномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякій день въ спектакляхъ! быть и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены!... и всякій разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!.... Самъ дивлюсь; но это правда.

*) Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждый въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французскій театръ (les François), Италіянскій (les Italiens), Графа Прованскаго (théâtre de Monsieur) и Variétés — и всякій день играютъ на нихъ, и всякій день (подивитесь французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное и наиболѣе по своимъ блестящимъ декорациямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ; гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно, восхитительно — то мрачный Тартаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стenanіемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Танталъ,

Иксіонъ и Данайды вѣчно страдаютъ и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго царя своего, и какъ горестная Нефта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно благодворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таетъ въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты расцвѣтали и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покры-

вается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

На такъ называемомъ Французскомъ театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства натуры* — простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ, но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ греки и римляне à la Française, которые таютъ въ любовныхъ востор-

гахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтъ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію включеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (*situations*,) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непременно должны быть играны, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ ла-Ривъ, Сень-При, Сень-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сень-Валь, Рокуръ и проч., которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламация! вотъ *дѣйствіе!* Благодарство въ видѣ, величавость въ поступи,

ясность, чистота въ произношеніи и въ каждомъ словѣ душа, то есть, всякая поэтова мысль отѣнена, всякая мысль выражена собственнымъ ей тономъ и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины — и если зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холодень, то конечно не актеры виноваты.

Такъ называемый Италіянскій театръ, но гдѣ играютъ однѣ французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ полюбилися двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семь театрѣ: Рауль *синя борода* и Петръ Великій.

Въ мелодрамѣ Петръ Великій есть очень трогательныя сцены, по крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ недалеко отъ границъ Россіи. — Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится корабельному искусству и всякій день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его обыкновеннымъ работникомъ и называютъ

добрымъ, смышленнымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишу играетъ эту роль: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству, но я не хотѣлъ чувствовать обмана — хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Катерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу и открываетъ ей страсть свою. Катерина обожаетъ Петра: никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ*: слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято. Ле-Форть, оставшись наединѣ съ монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ супругою моего Императора! «Но ты во всѣхъ своихъ дѣлахъ безпримѣренъ; «ты великъ духомъ своимъ; хочешь возвысить «въ отечествѣ нашемъ санъ человѣка и пре- «зираешь суетную надменность людей; одно «душевное благородство достойно уваженія «въ глазахъ твоихъ; Катерина благородна «душею — и такъ да будетъ она супругою «моего Государя, моего отца и друга!» Вто-

рое дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ невѣстѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодые дѣвушки приносятъ розовые вѣнки, украшаютъ ими любезную чету и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ!» говорятъ старцы: «люби «всегда милую Катерину и будь другомъ на- «шей деревни!» Государь тронутъ до глубины сердца. «Вотъ другая блаженная минута въ «жизни моей!» тихо говоритъ онъ ле-Форту: «первою наслаждался я тогда, когда рѣшился «въ душѣ своей быть отцомъ и просвѣтите- «лемъ миллионовъ людей, и далъ въ томъ клят- «ву Всевышнему.» — Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и счастливы! Старрики знаютъ, что ле-Форть имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какуюнибудь старинную пѣсню: онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый царь,
Православный государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любить царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ —
Тронъ, порфиру оставляетъ. —

Царь какъ странникъ въ путь идетъ —
И обходитъ цѣлый свѣтъ.

Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чего жь оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться, —
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чего жь ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадь и подданныхъ прославить
И въ *искусствѣ жить* наставить.

О великій Государь!
Первый, первый въ свѣтѣ царь! —
Всю вселенную пройдете,
Но другаго не найдете.

Ле-Фортъ забылъ конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее, только не хотятъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтѣ такой государь. Катерина болѣе всѣхъ тронута; въ черныхъ глазахъ ея блистаютъ слезы. «Нѣтъ», говоритъ она ле-Форту: «нѣтъ, ты насъ не обманываешь; пѣсня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразите чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе перемѣняется.

Пріѣзжаетъ Меншиковъ, вызываетъ Императора и сказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что злоумышленники развѣваютъ вездѣ пламя бунта; что ему непременно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не страшится мятежниковъ — одинъ величественный, свѣтлый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшитъ явиться глазамъ любезной своей гвардіи. Нѣжная Катерина ждетъ друга, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!*... сіи слова умираютъ на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ передъ нею, уже не въ платьѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ царской, окруженный вельможами. Катерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ», говоритъ онъ, «которое любило бы во мнѣ не Императора, но человѣка: вотъ оно!» — (обнимая Катерину) — «сердце и рука моя твои; прійми же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.» — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ своимъ

въ бѣдной хижинѣ; но Петръ и на тронѣ милѣ душѣ ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухѣ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я Русскій. Авторъ пьесы есть г. Бульи. — Жаль только, что французы нарядили Государя, Меншикова и ле-Форта въ польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются, а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

Кромѣ главныхъ пяти театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на *булеваряхъ*, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствія и разсѣянія, самые бѣдные ремесленники, савояры, разношники почитаютъ за необходимость быть въ театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшаютъ судьбу пьесы. Въ самомъ дѣлѣ между ними есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую счастливую мысль автора, всякое счастливое выраженіе актера. А forse

de forger on devient forgeron — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большой части бываютъ наполнены людьми низкаго состоянія. Англичанинъ торжествуетъ въ парламентѣ и на биржѣ, нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, французъ въ театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но какъ французамъ жить и 14 дней безъ публичныхъ веселій? Тогда всякій вечеръ въ оперномъ домѣ бываетъ духовный концертъ, concert spirituel, гдѣ лучшіе виртуозы на разныхъ инструментахъ показываютъ свое искусство и гдѣ провелъ я нѣсколько пріятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову Stabat Mater, Иомеллиеву Miserere, — и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отиралъ ихъ — я ихъ не чувствовалъ. — Небесная музыка! наслаждаюсь тобою, возвышаюсь духомъ и не завидую ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сии нѣжныя звуки, вѣющіе какъ зефиръ на сердце мое, могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа? — Но ничего въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный дуэтъ Лаиса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали.... несравненно!

Парижъ, Мая...

Сейчасъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ отъ 14. Февраля до 7. Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заставили бы его мучиться. Извините, если это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а если бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того, что всякій день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, нельзя найти столько матерій для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости... Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ

мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сирень множество, и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно.... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того, здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *отели**); поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное, и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, гово-

*) Hôtel есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

руна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздора о Мирабо и Мори, о Балли и Лафаетъ, намажетъ вашу голову прованскими духами и напудритъ самую бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистый, простой фракъ, *бродить* по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и картины, — къ Дидоту, любоваться его прекрасными изданіями классическихъ авторовъ, обѣдать у ресторатёра*), гдѣ подають вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на часы и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галлереею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ оперѣ, въ комедіи, въ трагедіи, плѣняться гармоніею, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душою отдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de Valois, de Caveau, за чашкою *баваруза*;**) взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, аллея въ саду; вслушиваться иногда въ то, что гово-

*) Ресторатёрами называются въ Парижѣ лучшіе трактирчики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ роспись всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столигѣ.

**) Ароматическій сиропъ съ чаемъ.

рять тамошніе глубокіе политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постель и (чѣмъ обыкновенно кончается и день и жизнь) заснуть глубокомъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ. — Такъ я провожу время и доволенъ.

Парижъ, Мая... 1790.

Нынѣшній день молодой скиѣзъ К*, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ счастье узнать Бартеlemi-Платона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русскій; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, бессмертныхъ талантовъ. «И такъ, хотя въ несладныхъ словахъ, при- «мите жертву моего глубокаго почтенія!» — Онъ всталъ съ кресель, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю Сверхъ и герой, мною избранный, вамъ не чужой.* — «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ

имя Анахарсиса*).» — *Вы молоды, путешественуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* — «Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.» — *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о самаритянскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скудно, comme de raison; извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ.* — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человекъ, да столько же зрителей — не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертация Аббата Бартелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Ионаановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то, мало слушая, я много смотрѣлъ

*) Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ академіи. Il me requit, говоритъ молодой скнеъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2. ch. VII.

на Бартелеми. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокій, худой, съ пронизательнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лице наше. Бартелеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть: любовь ко славѣ и силою философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*, имѣлъ счастье доказать великодушную свою привязанность къ изгнанному министру Шуазёлю и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругѣ его, подъ именемъ Арсама и Федины, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и трогательно, говоря: «Сколько разъ имя ваше готово было изъ глубины моего сердца излиться на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно передо мною, когда мнѣ надлежало описывать какое нибудь великое свойство души, благодѣянія, признательность! Вы имѣете право на сію книгу: я сочинялъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, которыя всего болѣе украшались вами; и хотя кончилъ оную далеко отъ Персіи, но въ глазахъ вашихъ: ибо воспоминаніе минутъ, съ вами проведенныхъ, никогда не можетъ загладиться. Оно составляетъ счастье остальныхъ дней моихъ; а по смерти желаю единственно того, чтобы на

«гробъ моемъ глубоко вырѣзали слова: онъ
«заслужилъ благосклонность Арсама и Федины!»

Тутъ же узналъ я Левека, автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйтти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ не очень любопытны, соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытны описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Людовикъ XI: царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ:

Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело. — Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русскій? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный французскій писатель можетъ унижить нашего славнаго монарха, говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de génie, puisque, en voulant furmer sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples.* *) Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и тагъ надлежало отъ

*) То есть: „Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ: ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ.“

нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли было бѣ Русскимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того что все это не Русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? «Однакожь, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородахъ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить.... «Но въ немъ теплѣ!...» У насъ есть шубы.... «Зачѣмъ же имѣть два платья?....» За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка: не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холода только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ

стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ: но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго и сказать намъ: «смотрите, сравнитесь съ ними и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, французы, англичане были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія *Jeremiады* объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и вну-

тренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды челоуѣка, то *мое*, ибо я челоуѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. *Il est probable*, говорить Левекъ, *que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont*; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе нерасположены, неготовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саянхъ по нѣмецкой слободѣ и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемену. Сообщение наше съ другими европейскими землями было очень несвободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать

на Россію только слабо, и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей едва ли сдѣлалось бы то, что государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ членовъ, и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно счастливое выраженіе не укрывается отъ тонкаго вкуса здѣшней публики — *bravo!* и рукоплесканіе. Всего долѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, авторъ сказалъ: «Вотъ доказательство, что нѣжныя души предпочитаютъ тають тихое удовольствіе совѣсти шумнымъ «успѣхамъ честолюбія!» и всѣ слушатели захолопали. — Засѣданіе кончилось предложеніемъ задачъ для антикваріевъ. Надобно было познакомиться съ гм. Левекомъ и сказать ему комплиментъ насчетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, у которыхъ онъ, по своей благоклонности, не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ наукамъ. Бартеlemi подарилъ меня двумя учтивыми фразами и мы разстались еще болѣе знакомые.

Я видѣлъ автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о счастливыхъ временахъ французской литературы, которыя прошли и не возвратятся! Въѣзъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедія, Духа законовъ не уступаетъ въѣзъ Расина, Буало, ла-Фонтена; и въ домѣ г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха шутили столь же остроумно, какъ въ домѣ Ниноны Ланкло. Физиономія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ нѣмецкій романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть, самымъ грубымъ человѣкомъ! Какъ ввали могутъ быть нахальны; — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ и живетъ съ нею счастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдь. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литературною частію фран-

цузскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также членомъ Академіи. — Мерсье и Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Академіи.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ академій. Выдумка благословенная для пользы наукъ, искусствъ и всѣхъ людей! Приятная мысль быть участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ; соревнованіе между членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе окрыляютъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *французская Академія*, учрежденная кардиналомъ Ришельё для обогащенія французскаго языка, утверждена парламентомъ и королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому министру! Жаль, что всякій новый членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знат-

ные! Такие академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякій знай свое мѣсто и дѣло*, есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *господа-сорокъ*, *messieurs les quarante*, *) наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ членовъ потребовалъ для себя кресель: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose*. Главный плодъ сего академическаго дерева есть лексиконъ французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но неполный, такъ что въ первомъ изданіи господа члены забыли даже слово *академія*! На примѣръ, англійскій лексиконъ Джонсоновъ и нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить, но смерть помѣшала.***) Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы, но Парижскіе любители театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сиду. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ журналъ для критики и словесности: чего бы

*) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

**) Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый фило-софическій словарь языка своего, но чрезмѣрная лѣньность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

не произвели соединенные труды лучшихъ писателей? Однакожь польза ея несомнительна. Множество хорошихъ пиесъ написано для славы быть членомъ Академіи или заслужить ея хвалу. Всякій годъ избираетъ она два предмета для стихотворства и краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ авторовъ обрабатывать ихъ, въ день св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Дорать и многіе другіе достойные писатели не были ея членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть потомство. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы ктонибудь изъ авторовъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента, утвердила закономъ выбирать въ члены единственно тѣхъ, которые сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Известна его насмѣшка: *messieurs ces quarante ont de l'esprit comme quatre*, и забавная эпитафія:

Ci-git; Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями славныхъ авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 членовъ и занимается физикою, астрономіею, математикою, химіею, стараясь *открывать новое* или *доводить до совершенства* извѣстное, по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ она большой томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для ученаго, приятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую исторію наукъ со времени Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ астрономовъ и химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій ученый снимаетъ колпагъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію греческаго мудреца *) можно будетъ вырѣзать на его гробъ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился,
 Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,
 Мудрецъ на небо преселился,
 Чтобъ къ нимъ поближе быть.

*) См. Діогена Лаэртія въ жизни Талеса.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ, какъ самый любезнѣйшій молодой французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ математику, астрономію и въ шутку называетъ Ураниею; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми астрономами Европы и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Воде. — Лавуазье есть геній химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ революціею генеральнымъ откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ миллионъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любить дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ генеральнымъ откупщикомъ, также любилъ науки и благотѣльность; но философія послѣдняго не стоитъ химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго химика Клапрота. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ науки соединяютъ людей, живу-

щихъ на сѣверѣ и югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ мизософы, а науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова при- страстила многихъ здѣшнихъ дамъ къ химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями. — Балли есть также одинъ изъ знаменитыхъ членовъ Академіи и болѣе всего прославилъ себя исторією древней и новой астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ революцію и мирную тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ!*)

Академія Надписей и Словесности учреждена также Лудовикомъ XIV и болѣе ста лѣтъ ревностно трудится для обогащенія исторической литературы; нравы, обыкновенія, монументы древности составляютъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотою миною исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, если не читали записокъ Академіи; читая ихъ, живете древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и пр. Девизъ Академіи есть муза исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою указываетъ вдали

*) Лавуазье и Балли умерщвлены Робеспьеромъ.

на пирамиду съ надписью: *не дастъ умирать, vetat mori.*

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Луврѣ и всѣ доказываютъ любовь къ наукамъ Лудовика XIV или великаго министра его Кольберта.

Парижъ Мая....

Солиманъ Ага, турецкій посланникъ при дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, рассказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донинѣ, но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть счастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, устали, хотите отдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите и даже кричите, если угодно, не боясь досадить хозяину. Люди небогатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ общества. *Vive Pascal, vive Procopé! vive Soliman Aga!*

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Рояль: *Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres*. Первый отмѣнно хорошо прибранъ, а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальныхъ сочинителей, которые своими операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: *On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la première le 28 Juillet, pour répéter l'Annonay; la deuxième le 29 Août, 1783, pour rendre hommage par une médaille à la découverte de M.M. de Montgolfier*. На стѣнѣ прибитъ ме-

дальонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, *le Café de la Régence*, тѣмъ, что всякій день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго автора привлекало туда столько зрителей, что полиціймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сживалъ, хранится какъ драгоценность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей философа давалъ за него 500 ливровъ, но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь и былъ нынѣшній день въ *Genietaux*: такъ называются загородные трактиры, гдѣ по воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 су и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоого пола; кричатъ, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуэтъ съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши и кричали: *браво!* Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли танцовать и только что не падали,

не узнавали дамъ своихъ и вмѣсто извиненія говорили: *diable! peste!* — *C'est l'empire de la grosse gaieté*, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ русскій народъ обожаетъ Бахуса! Разница та, что пьяный французъ шумить, а не дерется.

У дверей всякой *Генеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милый, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непременно взять подарокъ, отблагодарить шестью копейками*) и еще сказать учтивое слово, *un mot de politesse, d'honneteté.* Парижскія *цвѣточницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (*les poissardes*); страшно не понравиться имъ: онѣ въ состояннн заметать васъ грязью. Но если вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другаго.

Я былъ въ *Hôtel-Dieu*, главномъ Парижскомъ гошпиталѣ, въ который принимаютъ всякой вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзираемъ 8 докторовъ и ста лекарей. 130 монахинь Августинскаго ордена служатъ несчастнымъ и пекутся о соблюденнн чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ

*) Une piece de 6 sous.

умирающихъ или отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы и не могъ итти далѣе: мнѣ стало дурно и до самаго вечера стонъ больныхъ отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошіи присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую стекаетъ вся нечистота изъ *Hôtel-Dieu*? Ужасно вообразить! Счастливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровымъ! Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолю и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская библиотека есть первая въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ библиотекаръ. Шестъ превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, схоластики 150 футовъ, юриспруденты 40 сажень, историки вдое. Поэтовъ считается 40,000, романистовъ 6000, путешественниковъ 7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Русскому, показывали славянскую Библию и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ короля Іоанна

20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900 и былъ основателемъ сей библиотеки. Тутъ же, въ Кабинетъ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго.*) Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ римскую и, воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ счастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Карфагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы метительныхъ римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ республиканцевъ. — Еще хранятся въ библиотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что если проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ, оцѣпенѣвъ, умретъ. — Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка,

*) Доказывается надписью.

въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ библиотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ библиотекъ, открытыхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другаго Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово — только пользуйся.

Парижъ, Мая...

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, если бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы, мною видимые. Здѣсь церкви кажутся галлерейми живописи или академіями скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донинѣ художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

Напримѣръ: соборная церковь Богоматери, Notre Dame — зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію — наполнена картинами лучшихъ французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго

Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангель одною рукою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держитъ свѣтильникъ, чтобы снова воспламенить въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать и слабую руку простираетъ къ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д'Аркуромъ, указываетъ на свой песокъ и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангель гаситъ свѣтильникъ.... Сказываютъ, что нѣжная графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно такой сонъ: художникъ изобразилъ его по ея описанію — и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семь трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечемъ въ рукѣ — не много уваженія къ святынѣ храма!

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятеля Жирардона. На монументѣ, въ древнемъ вкусѣ, представленъ кардиналъ Ришельё; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія.

Наука, въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку кардинала, герцогу Ришельё: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ министровъ; я отдалъ бы полковнику своего государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею.* Не вѣрю этому анекдоту: или государь нашъ не знаетъ всѣхъ злодѣйствъ кардинала, хитраго министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы кардинала не съ христіанскою, святою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою и которое описываетъ Вольтеръ въ Генриадѣ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Парижъ, Іюня...

Я получилъ отъ госпожи Н* слѣдующую записку: «Сестра моя, графиня Д*, которую «вы у меня видѣли, желаетъ имѣть подробное «свѣдѣніе о вашемъ отечествѣ. Нынѣшнія «обстоятельства Франціи таковы, что всякій «изъ насъ долженъ готовить себѣ убѣжище «гдѣ нибудь въ другой землѣ. Прошу отвѣчать «на прилагаемые вопросы: чѣмъ меня обя- «жете.» Я развернулъ большой листъ, на

которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжными здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе, нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнатахъ, въ теплыхъ шубахъ мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Январѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши при яркомъ свѣтѣ солнца катаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліантамъ и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года россиянки не бываютъ столь прелестны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица и всякая, входя съ надворья въ комнату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны и звонкій голось жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумить съ горъ и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно

выливаются изъ береговъ и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя роци зеленеютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей, и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта: у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разстаться на долгое время — и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима — и сельскій житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы, ужины, карты.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Ответъ. Гостепрѣимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которые были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любимъ имъ доказывать, что ученики едва ли уступаютъ учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Ответъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ? *Много ли дичи въ Россіи?* «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ графиня), страстный охотникъ стрѣлять.»

— Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный графъ долженъ закричать: *ружьё! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, если и мужъ и жена теперь не прискачутъ къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

Парижъ, Іюня...

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ мыса Доброй надежды пробраться черезъ пустыни африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчанья степи, гдѣ вся природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романческаго странствія, въ которомъ авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражается въ чудовищами и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія дамы говорятъ: *il est vaillant, se Monsieur de Vaillant!* Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранитъ просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нерипу. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучель, готтентотскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, выразителенъ, иногда живописенъ, и госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ французская литература произвела только двѣ книги для безсмертія:

Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно оставить милое семейство, отечество, всё пріятныя удобства европейской жизни и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку. Теперь, видя *васъ*, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣть такую любезную супругу и добровольно съ нею разстаться! — «Государь мой! любопытство имѣеть своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности, а вы всё калмыки — любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего и не думать о нашемъ безпокойствѣ.» — Я старался увѣрить господу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами и твердятъ пословицу: *Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ прійти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

Деревня Отель, Юня...

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ французскихъ писателей

тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ, Лафонтенъ, Шапель, Мольеръ ужинали, пили, смѣялись и наконецъ вздумали *гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести, проклинать судьбу, находя, по словамъ одного греческаго софиста, что первое счастье есть... не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была недалеко и дѣти Аполлоны, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе ваше похвально; но теперь ночь: никто не увидитъ героическаго конца поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего, и тогда весь Парижъ «будетъ свидѣтелемъ славной смерти дѣтей его!» Такая счастливая мысль всѣмъ полюбилась и Шапель, наливая рюмку, говорилъ: «правда, «правда; утопимся завтра, а теперь допьемъ «остальное вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse,

Des vrais enfans d'Apollon :

Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape у paroît sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господину... забылъ имя.

Деревенька Отель славилась нѣкогда хоро-
шимъ виномъ своимъ, но слава ея прошла:
нынѣшнее Отельское вино никуда не годится.
Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается;
спѣшу въ городъ.

Парижъ, Юня...

Я былъ въ Марли, видѣлъ чертогъ солнца*)
и 12 павильоновъ, изображающихъ 12 зна-
ковъ зодиака, видѣлъ Олимпъ, долины Тем-
пейскія, сады Альциноевы, однимъ словомъ,
вторую Версаль съ нѣкоторыми особливими
оттѣнками. Въмѣсто подробнаго описанія вотъ
вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ
стиховъ, въ которыхъ онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Арминдъ садъ,
Или великаго героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя
Еще желаетъ *побѣждать*
Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,
Едва понятными уму.

*) Солнце, какъ известно, было девизомъ Людовика
XIV. Королевскій павильонъ, построенный среди двѣнад-
цати другихъ, называется *солнечнымъ*.

Стихи творческой природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ;
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ
И, вверхъ стремяся, упадаютъ
Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древнами темно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣ-
соцекъ всякій — храмъ. *)
Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
На лаврахъ славы отдыхая
И будто весь Олимпъ сзывая
Къ себѣ на вельпный пиръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять
чудесность Марлійской водяной машины; ея
горизонтальныя и вертикальныя движенія, дѣй-
ствіе насосовъ и проч. Дѣло состоитъ въ
томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены,
поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ трубы,
проведенныя въ Марли и въ Трианонъ. Изо-
брѣтатель сей машины не зналъ грамоты.

*) Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру ори-
гинала.

Какъ обогащены искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валерианскую и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до ста, умѣла чувствовать красоты безсмертнаго романа и плакать. Домъ маленькій, на пригоркѣ, вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ въ *Белью*, достойномъ своего имени;*) и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

Эрменонвиль.

Версть 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ

*) Белью значить прекрасный видъ.

последнее дѣло его было — благодареніе, последнее слово — хвала природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревьевъ, дружбою насажденныхъ, покоится прахъ его... Туда спѣшать добрые странники видѣть мѣста, освещенныя невидимымъ присутствіемъ гения, — ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣды Руссовой ноги изображался — дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болотами, глубокими и бесплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человекъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ — и дикая, лѣсная пустыня обратилась въ прелестный англійскій садъ, въ живописныя ландшафты, въ Пуссеневу картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Маленькіе домики прилегаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумные каскады; вездѣ природа въ своемъ разнообразіи — и вы читаете надпись:

Ищи въ другихъ мѣстахъ искусства красоты:
Здѣсь видъ богатая природы
Есть образъ счастливой свободы
И милой сердцу простоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревьямъ, которыя сплелись вѣтвями и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнью, на дерновомъ канapé, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсыяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ пѣвцовъ: Теокрита, Виргилия, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ — *новой философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сивиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. На примѣръ:

J. J. Rousseau --- Naturam (природу).
 Montesquieu --- Justitiam (правосудіе).
 W. Penn --- Humanitatem (человѣчество).
 Voltaire --- Ridiculum (смѣшное).
 Descartes --- nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустаго).
 Newton --- lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню, надъ входомъ: *познавай причину, вещей а на столпѣ: кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ

человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго, другіе надѣются, *что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ*, побѣдитъ всѣ затрудненія, dokonчить свое дѣло и воцарить истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальные воды, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ олтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина, за несогласное мнѣніе о религіи*. — На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняюся Творцу,
 Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ являютъ вамъ картину сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею.... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалашѣ; всякій у себя господинъ*; а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснилъ;
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть счастливымъ! — Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ*. Тутъ, между многими девизами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевского гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ.*)* — Идете далѣе и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы, покрытыя можжевелникомъ, шумящіе водопады напоминаютъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліана имени и видите его — на камняхъ и деревьяхъ.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля, слѣдственно недолго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію списать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, литература, слава, все ему наскучило; одна природа сохранила до конца милая права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-

*) Короче: „кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ,“ но не такъ живописно.

Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы: 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: *comme la nature est belle!* и закрылъ глаза навѣки... человекъ рѣдкій, авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогахъ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ природы, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благодати и красоты творенія! Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, *île des peupliers*, осѣненнымъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ и Харонъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильскій цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельника никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что шгольный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ

всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевозчика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнный
Есть чувство нѣжныхъ душъ и счастье дѣтей. *)

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякій безмолвный прахъ говорить мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепель такого автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: *ici repose l'homme de la nature et de la vérité, здесь покоится человекъ истинны и природы*; а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукъ томъ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: *vitam impendere vero, жить для истинны*. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: *hic jacent ossa J. J. Rousseau, здесь лежатъ кости Руссова*.

Переводъ одной изъ надписей.

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злыхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзенія слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, маркизь Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ авторовъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Рассказываютъ, что одинъ молодой французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, взумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи и сочинилъ на арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Ею? Магометъ. Кто истинный? Руссо*. Французскій консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе французскіе ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ за слугу маркиза Жирардена: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой

супруги и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи, тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Парижъ, Іюня... 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія просьбы смягчить не могли и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый, взялъ меня за руку и, сказавъ: *allons, Mr. allons!* ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы Большая галлерей, столъ для президента и еще два для секретарей по сторонамъ; напротивъ каеэдра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неопратно одѣтыхъ — съ растрепанными волосами, въ сюртукахъ. Шумѣли, смѣялись около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя

нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человѣкъ, который ввелъ меня*), подошелъ къ президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался среди залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту подошелъ ко мнѣ церемоніймейстеръ въ черномъ кафтанѣ и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ членовъ, г. Андре, читалъ на каеэдрѣ предложеніе Военной коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ ложи.» — А если тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой или куда вамъ угодно.» — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты духовенства предлагали, чтобы католическую религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспоривалъ, говорилъ съ жаромъ и сказалъ: «я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медици състрѣлялъ въ протестантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста и

*) Это былъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

закричалъ; «взоръ! ты отсюда не видишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такия непристойности бывають весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о католической религіи явились въ лавкахъ бумажныя табакерки à l'abbé Maugu; отворите крышку, выскочитъ аббатъ. Таковы французы; на всякій случай у нихъ готова выдумка. — Расскажу вамъ другой анекдотъ въ семь родѣ. Въ тотъ самый день, какъ собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу *башимашика*, которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль*. вмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи въ похвалу короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зрители были вѣд себя отъ удовольствія и заставили актера десять разъ повторять: l'argent caché ressortira. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безопасный гражданинъ вселенной;

смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою, какъ мирный пастырь смотреть съ горы на бурное моря. Ни якобинцы, ни аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла: я слышалъ споры и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всемъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія? Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть, порадоюсь тогда большею зрѣlostію своего духа или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взшелъ я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ? Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторіи*), чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго? Можетъ быть, тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть, тогда еще болѣе полюблю челоуѣчество; или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою....

*) Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго правленія.

Прости, любезный Парижъ! прости, любезный В*! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ: увидѣлись и три мѣсяца не разставались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сен-Жерменской отели, читая привлекательныя мечты единоплеменника твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранить нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ, но единственно съ тобою и съ В* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоёмъ или моемъ отечествѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны!

А вы, отечественные друзья мои, не называйте меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодѣяніемъ судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни весело всякій день видѣть прекрасное, слышать умное и любопытное, но людямъ нѣкотораго рода надобны подобныя имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести такъ около четырехъ мѣсяцевъ, есть, по словамъ одного англійскаго доктора, выманить у скупой волшебницы, судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее; ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

Кале, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора. — Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню, (котораго домъ есть самый лучший въ городѣ) остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. «Что вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой офицеръ въ синемъ миндирѣ. «Комната, въ которой жилъ Лаврентій Стернь» *), отвѣчалъ я. — «И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ французскій

*) См. Sentimental Journey, Стерново путешествіе. Это переведено на русскій и напечатано.

супь?» сказалъ офицеръ. — Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я. — «Гдѣ хвалили онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ человѣколюбія открылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — «Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха!» *) — Гдѣ приходилъ къ нему отецъ Лорензо съ кротостію святаго мужа. — «И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?» — Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорига въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой! эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая англичанка съ своею дочерью.»

Я взглянулъ на окно и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина и держала въ рукахъ книгу — вѣрно *Sentimental Journey!*

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному французу: но если позволите, то я спросилъ бы еще — — «Гдѣ тотъ каретный сарай, перервалъ офицеръ, въ которомъ Йоригъ познакомился съ милою сестрою графа Л*?» — Гдѣ онъ помирился съ отцомъ Лорензомъ и.... съ своею совѣстію. — «Гдѣ Йоригъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?» — Но

*) Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йориково путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ?

которая была ему дороже золотой и бриллиантовой. — «Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключъ у господина Дессеня, который теперь... у вечерни.» — Офицеръ засмѣялся, — поклонился и ушелъ. — «Господинъ Дессень въ театрѣ,» сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. «Господинъ Дессень на караулѣ (сказалъ третій:) его недавно пожаловали въ капралы гвардіи.» — О Йоригъ! думалъ я — о Йоригъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессень капраломъ! Дессень въ мундирѣ! Дессень на караулѣ! *Grand Dieu!* — Смерклось и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Кале? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Дома невысокіе, въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напитанъ сыростію и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отмѣнно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ каналъ и намѣрены стран-

ствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ италіянецъ, великій говорунъ и великій трусъ; худымъ англійскимъ и французскимъ языкомъ рассказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись и называли его Улиссомъ, который пугаетъ царя Альциноя повѣствованіемъ о страшныхъ небывшихъ лицахъ. *) Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самого лучшаго! du meilleur! du meilleur!* и розовое шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо алѣло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренный другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ, велѣлъ подать себѣ бутылку — *du meilleur! du meilleur!* Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи. **) «Мы давно слышали, сказала одинъ изъ англичанъ, что нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. *Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!* — Германецъ улыбался и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

*) См. Одиссею.

**) Такъ говорить мнѣологія.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постель и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу и послалъ его напомнить британцамъ, что они не одни въ трактирѣ и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *одъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишетъ болѣе — простите!

Пакетботъ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ сильный; многіе пассажиры больны. Берегъ французскій скрылся отъ глазъ нашихъ — англійскій показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на пакетботъ молодой лордъ и двѣ англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ. — Лади и миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ! — Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, не-

жили съ другими пассажирами. Черезъ два часа лади занемогла морскою болѣзнію — лордъ также — ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сорвалъ съ нея шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды, но ничто не помогло! Бѣдная англичанка, смотря на меня умилными и томными глазами, говорила: *Je suis mal, tres mal; ma poitrine se déchire — Dieu! je crois mourir!* *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ, видя многія неприятныя явленія, которыя бываютъ всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Уже открывается Дувръ и высокія башни, въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности плавателей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчанья равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ унести насъ далеко въ необозримостъ морскую

— еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты и погрузиться въ шумящей безднѣ. Тогда . . . adieu!

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ и я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе дома, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ дома изъ кирпичей, покрыты черепицею и некрашенные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, который для меня весьма неприятенъ; улицы широки и отмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ — и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ — встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ кроткою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ,

прѣхавъ въ опасную Англїю, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древнїй замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пи-столетомъ королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы и великолѣпнѣйшїй видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и милліоны пѣнистыхъ валовъ.

Англїйскїй лордъ, любезная жена и милая сестра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лондонскїй адресъ и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я подаль тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакетбота;» другой:

дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третїй: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестой — всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любяте ли здѣсь деньги и дешево ли цѣнять англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакетбота въ таможеню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказали я осмотрищикамъ: и если вы повѣрите моему честному слову и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.» — Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) «намъ должно все видѣть.» — Я отперъ и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были снисходительны или нашли у меня что нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этаго не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами и заплатилъ три шиллинга. — И такъ англїйскїе таможенныя приставы умѣютъ строго исполнять свою должность и притомъ... наживать!

Мнѣ хотѣлось видѣть англїйскую кухню. Какая чистота! На полу нѣтъ ни пятнышка; костюлы, блюда, чашки — все бѣло, все

свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменные уголья пылаютъ на большомъ очагѣ и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видъ французской кухни нерѣдко отнимаетъ аппетитъ; видъ вашей кухни производить его.»

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго худаго шампанскаго или бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей! Простите! Теперь полночь.

=====

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четверомѣстную карету и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ

рукахъ корзинки и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабриолеты — однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не выдавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? — Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бы мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности чело-вѣческой.

На каждыхъ четырехъ верстахъ перемѣняли мы лошадей; но не смотря на то постильоны или кучера, coachmen, останавливаются раза три пить въ трактирахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской

провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по-англійски, то есть, крѣпкій и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату, но мнѣ подали вялую траву, облитую уксу-сомъ: англичане не любятъ ни какой зелени. *Рост-бифъ, бифъ стекъ* *) есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и нерѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* **) можно прибавить еще двѣ другія: вѣчный туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Версть за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполь церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкій, высокій столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепель большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окру-

*) Жареная и битая говядина.

**) То есть, меланхоліи.

жающими Лондонъ. — Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Если бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, ередоточіе всемірной торговли!

Мы вѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дома. Но длинныя, широкія, гладковымощенные улицы, большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ, двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ

и блестящія какъ зеркало, непрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ, красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы, подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ, рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ разодранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человекъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спо-

койно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переходовъ изъ земли въ землю! Человекъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домохозяевъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности* — вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало ити куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской отели своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 номерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ и другъ вашъ отправился къ г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ обыкновеннаго духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего пріѣзда въ Лондонъ!... Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ французскомъ трактирѣ. «Комната невелика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ эмигрантомъ; но онъ добрый человекъ и согласится раздѣлить ее съ вами.»

Товарища моего не было дома; въ горницѣ не нашель я ничего, кромѣ постели, гитары, картъ и.... а black pair of silk breeches. *) Въ ту же минуту явился англійскій парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою... я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искусства, веселаго Ролета **) подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: I dont understand you, Sir; *я васъ не разумлю!* И большой человекъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселитъ, бездѣлица огорчаетъ его: толстый Лондонскій парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ мою душу. Надѣвая на себя Парижескій фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожь въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи.... Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другаго, и куда не взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, без-

*) Съ которыми отправился Йорикъ во Францію, какъ извѣстно.

**) Имя моего Парижскаго парикмахера.

прерывною нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ и не дивлюсь ошибкѣ одного нѣмецкаго принца, который, въѣхавъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ для его пріѣзда. Англійская нація любить свѣтъ и даетъ правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское министерство давало пенсіи на *лунный свѣтъ*; *) гордый британецъ смѣется, звучитъ въ карманѣ гинеями и велитъ Питту зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человекъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ передо мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія; люблю теряться душою въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ, — думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ міриадами другихъ атомовъ обращается въ вихрь предопредѣленныхъ слу-

*) Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіи.

чаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣеть двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякій обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе англійскаго климата. Здѣсь родились Ньютонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ, но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ *чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловить главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ и что при долгомъ, *посторительномъ* разсматриваніи затемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, если бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ картинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. *Многочисленъ*, правда, но тихъ удивительнымъ об-

разомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности и спѣшать отдыхать. Если бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома: двадцать, тридцать человекъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо, если въ 10 минутъ услышите два слова — какія же? *your health, gentleman! ваше здоровье!* Мудрено ли, что англичане славятся глубокомысліемъ въ философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что ораторы ихъ въ парламентѣ, заговоривъ, не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ, какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выставляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва касаются до камней тротуара; на бѣломъ корсетѣ развѣвается остъ-индская шаль и на шаль, изъ-подъ шляпки, падаютъ свѣтлые

локоны. Англичанки по большей части блондуры, но самыя лучшія изъ нихъ темноволосяя. Такъ мнѣ показалось, а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ натуры. Правда, что такія гнусныя фізіономіи встрѣчаются только въ низкой чернѣ Лондонскаго народа, но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстый галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты. Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій членъ парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ, Питтъ въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ розинями.

Скажите, друзья мои, нашему П., обожающему англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину синнихъ фраговъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человѣкъ, которые встрѣтятся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ

двадцать увидите въ синнихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: остальные наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

Лондонъ, Юля... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. «Одинъ мущина съ тремя «женщинами! какъ страшно или весело!» Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и съдыми волосами; а служанка успѣла уже рассказать мнѣ тайную исторію своего сердца: нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею и скоро будетъ счастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нея странный: на примѣръ, Ловеласъ

кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клементину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дурую. Таковы Лондонскія служанки.

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперегъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнуть въ немъ, какъ рѣки въ океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большей части свободные и достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матросы; тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ биржа; улицы тѣснѣе и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Нева въ Петербургѣ или Рона въ Лионѣ) и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домиками, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ несчастію въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными

угольями. Но и въ этой неопрытной части города находите вездѣ богатые лавки и магазины, наполненные всякаго рода товарами, индѣйскими и американскими сокровищами, которыхъ запасено тутъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуется сердцу, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, нравственнаго сближенія народовъ и общественаго просвѣщенія! Пусть гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя средства утѣшаться жизнью.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе тротуары, которые по-русски можно назвать *намостами*; ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ), такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намоствѣ*, а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ, какъ въ западню. Всякое отверстіе служитъ окномъ для кухни или для какой нибудь таверны,

или тутъ ссыпають земляные уголья, или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе дома строятся съ подземельною частію, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь очень несвѣтлыя горницы для слугъ, служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ, а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчуть ногами.

Дома Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣлые, (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣ примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила; все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ входящихъ къ хозяйну или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parlour; одни родные или друзья могутъ войти во внутренніи комнаты. — Ворота здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда бываютъ заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же

бываютъ самые маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большей части отдають здѣсь на выстройку; возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, если бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.

Не скоро привыкнешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь? Брожу по улицамъ; люблюсь, какъ на вѣчной ярмаркѣ, разложенными въ лавкахъ товарами; смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставлемыя на дверяхъ *въ эстампныхъ кабинетахъ*, и дивлюсь охотѣ англичанъ. Какъ французъ на всякій случай напишетъ пѣсенку, такъ англичанинъ на все выдумаетъ карриатуру. На примѣръ теперь Лондонскій кабинетъ ссорится съ Мадридскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожъ представляетъ карриатура? Министры обоихъ дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у испанскаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу.

— Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славныя пироги и конфеты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки недешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, если аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга открываетъ вамъ дверь и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего посла, Г. С. Р. В., человѣка умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-англійски, любить англичанъ и любимъ ими. Всегда захожу у него человѣкъ пять или шесть, по большей части иностранныхъ министровъ. Обхожденіе графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо русскую исторію, литературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ одъ Ломоносова. Такой посолье не уронить своего двора; за то Питтъ и Гренвиль очень уважають его. Я замѣтилъ, что здѣшнія министерскія конференціи бывають безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ министръ къ министру идетъ пѣшкомъ, во фракѣ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сюртукѣ; подають чай — высылають слугу — и, сѣдя на диванѣ, рѣшаютъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый англичанинъ Бакстеръ, консуль, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ паркѣ и видѣлъ множество англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачуть! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлость и ловкость; за каждую берейторъ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои амазонки спѣшились и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одною изъ нихъ заговорить по-французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ, сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные англичане знаютъ французскій языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю англійскій. Какая разница съ нами!

Извините, друзья мои, что я забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду — совершенно англійскому, кромѣ французскаго супа. Ростбифъ, *пюматы*,*) пудинги, и рюмка за рюмкой кларету, мадеры! Мушкетеры пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку и скоро оставляють насъ однихъ; снимають скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки и ставятъ множество бутылокъ: снова пить — *тосты*, здоровья! Всякій предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля?* Англи-

*) Земляныя яблоки.

чане мои сильно хлопнули рукою по столу и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ дамамъ пить чай и наконецъ всякій отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ? Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгораченіи?

Лондонъ, Юля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я, какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность англійскаго правленія, сожалѣлъ о людяхъ и гнушался людьми.

Лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ; но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* *) здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судище. *Justice-Hall*, гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, *Jury*, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте палму англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое пра-

*) То есть „нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ.“

восудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мировой судья* есть въ Англии первый разбиратель всѣхъ доносовъ: онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса, и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а если признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушивается на себя доносъ и на вопросъ: «какъ хочетъ быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества.» Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12 и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны, и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ

клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ согражденіи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ велитъ имъ ни пить ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *невинноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой апелляціи. Если скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, если законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудить, но даже судить и нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Рассказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На

примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разные улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ!* двѣнадцатый не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причину. «Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видъ этаго человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу, и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.» Прошелъ цѣлый день въ спорѣ, и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшили оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большей части важные преступники, и требовали подаванія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди избалованныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованія: «государь мой! разсыпьте вокругъ себя гиней; ихъ здѣсь не тронуть; таковъ заведенный мною порядокъ.» — Для чего же не дѣлаютъ васъ Лондонскимъ полиціймейстеромъ? спросилъ я и въ доказательство, что вѣрю ему,

спряталъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *госпожа* фальшивая монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что я, сжавъ сердце, ходилъ за надзирателемъ и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Приятное и томное лицо его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказаль намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и — любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему, а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ и ранилъ ее въ руку. Желая знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое со-

сѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ?*) Съ нѣкотораго времени правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ *честію повѣшены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко?» Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.»

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча,**) или темницы для неплатящихъ должниковъ, — описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о приятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго рода. Однимъ словомъ, сей извѣстный англomanъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашель сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопратно одѣ-

*) Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

**) Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

тыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные дома, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчъ — это довольно странно! Портные, сапожники, тамъ сидящіе, отправляютъ свое ремесло. Но между ними нѣтъ ни одной замужней женщины. По англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ, бѣднякъ, или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Последнее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствоваться своихъ заимодавцевъ, есть въ Англии замужество.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго рода — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя весьма живо представляютъ *безуміе печальное и свирпное*.... «Это Бедламъ!» скажете вы и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галлерей раздѣлены желѣзною рѣшеткою! на одной сторонѣ женщины, на другой мужчины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманіемъ, начинали го-

ворить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, третья хотѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторые сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сума-«спешія отъ любви, сказалъ надзиратель: «онъ всегда смиренъ и молчаливъ.» И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще *всю душу!* *сонъ для вѣнскихъ предметовъ* все еще продолжается!.... Я подошелъ къ одной молодой женщинѣ и смотрѣлъ на нее. Намъ разсказали ея исторію. Она французенка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: несчастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить — и когда день пройдетъ, она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе! — Многіе изъ мужчинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четверенкахъ.

Бѣшеные сидятъ особливо; иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я счастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ, того укуситъ. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за несчастными достойны удивленія. Между комнатами сдѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно нужныя лекарства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзиратель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самые смиренныя изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ! «это старыя.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ другомъ свѣтѣ; что у васъ старо, то у насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою англійскій трагикъ Ли. Можетъ быть, вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу, задумался и сказалъ: «Мой другъ! хочешь ли «быть вмѣстѣ со мною безсмертнымъ? Бросимся съ этой террасы: тамъ внизу, на «острыхъ камняхъ ожидаетъ насъ славная «смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудре-

«но броситься сверху; гораздо славнѣе сойти «внизъ и оттуда вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы, а пріятель между тѣмъ убрался домой.

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ того, въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая лю-

бить *воображеніемъ*; одна угадываетъ, другая воспоминаетъ — но я право не удивлюсь теперь, если покажутъ мнѣ десяти- или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мушны тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ Селадоновъ и Альцибиадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолюбіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ героевъ; положимъ, что Кодры и Деции давали убивать себя и что Курции бросались въ пропасть: но фанатизмъ религіи конечно болѣе славолюбія участвовалъ въ ихъ героизмѣ.*) Тогда же войны были *народныя*; всякій дрался за свои Афины, за свой Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ французъ или испанецъ служитъ волонтеромъ въ русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираетъ: вотъ славолюбіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и неприятности ихъ: рай и адъ для нея въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе, или меланхолія, которая столь часто открываетъ дверь.... въ домъ сумасшедшихъ.

*) О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ парламентѣ и на биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская биржа есть огромное, четверугольное зданіе, съ высокою башнею, (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка,*) съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статуя Карла II, на высококомъ мраморномъ подножій, и читаете въ надписи самую грубую лесть и ложь: *отцу отечества, лучшему изъ королей, утѣхъ рода человѣческаго*, и проч. Кругомъ вездѣ Амурсы, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II *любилъ любить*. Стоя на этомъ мѣстѣ, куда ни взглянете, видите галерею, гдѣ подъ аркадами собираются купцы, всякій день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ челоуѣкъ даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено и кораблю плыть въ Новый Йоркъ или за мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжать, а не

*) Сверчокъ былъ гербомъ архитектора биржи.

слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онъ вписываются для любопытныхъ и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-русски? Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россією; всѣ они жилали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар**, членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой шведскій баронъ Сил*, человекъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, госу-

дарь мой;*) храмъ наукъ есть храмъ міра.» Я засмѣялся и мы обнялись по-братски, а г. Пар** закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человекъ пришли въ ученое собраніе цѣловаться!... Профаны! вы не разумѣли нашей мистики! вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ на бархатныхъ креслахъ сидѣлъ президентъ, г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли; секретари читали переписку, по большей части съ французскими учеными. Г. Банксъ всякій разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось и г. Пар** подвелъ меня къ президенту, который дурно произноситъ, но хорошо говорить по-французски. Онъ человекъ тихій и для англичанина довольно пріветливый.

*) Тогда была у насъ война со Швеціею.

Виндзоръ.

Земляки мои непременно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приносить хозяину иногда болѣе остиндскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи. — «Лошадей!» — *А идѣ ихъ взять? всѣ въ разгонѣ.* — «Взоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приотворены для другихъ, для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ птицы пролетѣли мы на борзыхъ англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые британцы! думалъ я: обсыпайте насъ пылью; но зачѣмъ смѣяться? — Иные кричали даже: «добрый путь, господа! видно, «по общанію!» — Но русскихъ не такъ легко унижить; мы сами начали смѣяться, скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ и въ 5 часовъ, своротивъ немного съ большой дороги, вступили въ Виндзорскій паркъ....

Мы сняли шляпы.... вѣря поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь (говорить онъ) «являются боги во всемъ своемъ великолѣпнн; «здѣсь Панъ окруженъ безчисленными стадами, «Помона рассыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга и дары Цереры волнуются, какъ «необозримое море».... Описаніе стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя аллеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзорскомъ паркѣ! — Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнью, гдѣ пѣли надъ нами всякаго рода лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество! —

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человекъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ; удерживаютъ дыханіе и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждуть знака, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и упасть на землю безъ памяти; хотите летѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякій кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадью несетя; хотите читать въ нихъ надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ или отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! вивать! ура!*.... Оши-

баетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видели, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорскій дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извиается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли принцессы, дочери королевскія, въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпкахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: *ma soeur, ma soeur!* Глаза мои искали Елисаветы: изображение мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица, но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Микель-Анджеловыхъ, Пуссеновыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ *залу красоты*, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? *Mistriss Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond, Clevelant, Somerset, Northumberland, Grammont, Ossory.*

Если живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англии, гдѣ такъ много приятныхъ женскихъ лицъ... Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего великаго Петра, написанный во время его пребыванія въ Лондонѣ живописцемъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или кавалеровъ Подвязки, стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благоразуміе гонять мятаятъ и бунтъ. Подлѣ трона, въ осьмиугольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженномъ Подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: *Honni soit qui mal y pense!* Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ дворцѣ все дышетъ Лудовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ англійскіе патриоты не любятъ воспоминать.

Лондонъ. Юля.... 1790.

Трое русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботики и поплыли въ Гриничъ. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами приходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ въ свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота — нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ — стукнулъ въ рукъ бѣленькими кружками — и гордые англичане исполняютъ мою волю, пѣнять веслами Темзу и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботики у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путе-

шествія и любопытства: Гриничскій госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцевъ, орудіе величества и силы ея. Немногіе цари живутъ такъ великолѣпно, какъ англійскіе престарѣлые матросы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью и назади соединяемыхъ колонадами и губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Съдые старцы, опершись на балюстрады террасы, видятъ корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матросы смотрятъ на Гриничъ и думаютъ: «тамъ готово пристанище для нашей старости! Отечество благодарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, когда мы въ его служеніи истощимъ силы свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, лѣтъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ англійскій корабль, украшенный трофеями, и

главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ навигаціи. — Имена патриотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе госпиталя, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный англичанамъ король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими картинами, читаете надписи: *Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica*.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого заведенія. У всякаго матроса, служащаго на королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе госпиталя; за то всякій матросъ можетъ быть тамъ принятъ, если докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ и каждый получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, 1 1/2 ф. сыру, столько же масла, гороху и шиллингъ на табакъ.

Я напомню вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III и достойное нашего монарха. Король спро-

силъ, что ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что госпиталь заслуженныхъ матросовъ похожъ здѣсь «на дворецъ, а дворецъ Вашего Величества «похожъ на госпиталь.» — Въ Англіи много хорошаго, а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость правленія. *Salus publica* есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!....

Вообразите безконечныя аллеи, цѣлые лѣса, ярко освѣщенные огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени триумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, убранные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крытую аллею и мнѣ говорятъ: *вотъ улыбище друзей!**) Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны, отдаленные огни, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе римскій станъ; тутъ ра-

*) Имя аллеи.

стутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригорѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ, Китайскій садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги... Возвращаюсь къ оркестру.

Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный англійскій Воксаль, которому напрасно хотятъ подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное, вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы Лондонскихъ театровъ, а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и зачѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ и мы увидѣли написанное огненными словами: *Take care of your pockets! берите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксаль, пользуются этою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ я: но не стоитъ того, чтобы «бѣжать безъ памяти и давить людей.»

Лондонскій Воксаль соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бываютъ и знатные люди и лакеи. Одни кажутся актерами, другіе зрителями. — Я обходилъ всѣ галереи и осматрѣлъ всѣ картины, написанныя по большой части изъ

Шекспировыхъ драмъ или изъ новѣйшей англійской исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ настоящее время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильонахъ, и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей, сидящихъ за столами — что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильонъ, велѣли подать цыпленка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксаль въ двухъ миляхъ отъ Лондона и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякій вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтъ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

Выборъ въ парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему счастью, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ членовъ. Министры желали лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было кандидатовъ. Наканунѣ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Вестминстерскіе жители,

которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали министры, а въ другой пріатели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ англичане довольно шумѣли.... Fox for ever! *да здравствуетъ Фоксъ! нашъ добрый, умный Фоксъ, лисица именемъ,*) левъ сердцемъ, патриотъ, другъ Вестминстерскаго народа!* — Тутъ были всякаго рода люди: лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано поутру отправился я съ землягами своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галереи, которая на это время дѣлается изъ досокъ и въ которой избиратели записываютъ свой голоса. Самихъ кандидатовъ еще не было, но друзья ихъ работали, говорили рѣчи, махали шляпами и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человекъ лѣтъ пятидесяти, неопратно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показавъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «со-

*) Фоксъ значить лисица.

«граждане! истинная англійская свобода у насъ давно уже не въ модѣ; но я человекъ старинный и люблю отечество по старинному. Вамъ говорятъ, что нынѣшній день есть торжество гражданскихъ правъ вашихъ; но пользуетесь ли вы ими, когда вамъ предлагаютъ изъ двухъ кандидатовъ выбрать двухъ членовъ! Они уже выбраны! министры съ противниками согласились и надъ вами шутятъ.» — (Тутъ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это правда; надъ нами шутятъ.») — «Сограждане! для поддержанія вашихъ правъ, драгоцѣнныхъ моему сердцу, я самъ себя предлагаю въ кандидаты. Знаю, что меня не выберутъ; но по крайней мѣрѣ вы будете выбирать. Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ слышали и знаете, что министерство меня не жалуется.» — *Браво!* закричали многіе: *мы подадимъ за тебя голоса!*

Раздался голосъ: «дайте мѣсто кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію.... Напередѣ знамена съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію.* За ними шли друзья кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами кандидаты: Фоксъ, толстый, маленькій, черноволосый, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человекъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокій, худой, лѣтъ пятидесяти, въ адмиральскомъ зеленомъ

мундирѣ. Они стали на доски, усталыя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галерею и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галерею и кричалъ надъ головою кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь землю Гудъ; а черезъ минуту: здравствуй Гудъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Никто не унималъ шалуна, а кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу и сказалъ: «я никакъ не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ нашлось 200 патриотовъ; теперь вижу и радуюсь такому числу.» — Тутъ Фокса посадили на кресла, украшенныя лаврами и въ триумфъ понесли домой; знамена развѣвались надъ его головою, музыка гремѣла и тысячи голосовъ восклицали: *Fox for ever! viva!* ура! Фоксъ уже въ пятый разъ избирается отъ Вестминстера: и такъ немудрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень покойно и свободно, то улыбался, то хмурился густыя, черныя брови свои. — И Гуда хотѣли нести, но онъ просилъ увольненія и одинъ изъ друзей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любить триумфы только на морѣ!» —

Нигдѣ такъ явно не терпимы воровы, какъ

въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои клубы, свои таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣхоту и конницу, (footpad, highwayman) на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся строгой полиціи и лучше хотятъ быть обкрадены, нежели видѣть вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность; не носятъ и не носятъ съ собою много денегъ и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человекъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги и очутились въ пустомъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человекъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спастись дерзостію, *avec d'audace*, какъ говорятъ французы — смѣлымъ Богомъ владѣеть — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возьмутъ въ тюрьму человека по вѣроятности,

что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей; иначе вамъ же бѣда, если приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

Театръ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Герметскій театръ, на которомъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Друриленскіе актеры. *) Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлерейхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета — и лучше, если бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ; одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; королева въ роброндѣ, а король въ испанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ — и это дѣлается во время представленія! Какая разница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на пуб-

*) Два главные Лондонскіе театра.

лику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса, *) прекрасно одѣтая, и трогательная въ сценахъ безумія; она напомнила мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно. —

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей египетскихъ, этрусскихъ, римскихъ, жертвенныхъ орудій, американскихъ идоловъ и проч. Мнѣ показывали одну египетскую глиняную поздравую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: если налить ее водою и вложить въ который нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распухнетъ и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *лакриматоріи*, или маленькіе глиняные и стеклянные сосуды, въ которые римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе было для меня оригиналь Магны Харты, или славный договоръ англичанъ съ ихъ королемъ Іоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ и служащій основаніемъ ихъ кон-

*) Биллингтонъ, если не ошибаюсь.

ституціи. Спросите у англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, идъ хочу; уверенъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромъ законовъ.* Разогните же Магнѹ Харту: въ ней король утвердилъ клятвенно сіи права для англичанъ — и въ какое время? когда всѣ другіе европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромныя магазины ея. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ армію, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торга — и хотя снабжаетъ ими всю Европу, хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но согласитесь, что англійскій богатый купецъ не можетъ завидывать никакому состоянію людей въ Европѣ!

Берега Темзы прекрасны: ихъ можно называть цвѣтниками — и вопреки англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли *) или густо осѣненные деревьями, такъ что ни одинъ яркій лучъ не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго счастья всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое воскресенье хожу въ какуюнибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливимъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно *кровь съ молокомъ*, какъ говорятъ русскіе: одушевленные цвѣточки, любезныя зефиры: все маленькіе Эмили, все ма-

*) Видь прекрасный. Вѣтви съ цвѣтами, нарочно подняты вверхъ, переплетаются и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

ленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ счастью, тутъ нѣтъ змѣя — искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *чичисбеемъ*... однимъ словомъ здѣсь рѣдкій холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и счастье дѣтей, скромность и благо нравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благо нравны, слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые англійскіе лорды, и самые англійскіе герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе; объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть счастливымъ дома и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастью*. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкають думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, приятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: краса-

вица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняють насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлають одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь поутру въ домъ: хозяйка всегда за руководльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выйдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорю мысленно: «Несчастные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе какой-то приличности составляетъ всю науку; гдѣ *быть нестраннымъ* есть верхъ искусства для мужчины, и гдѣ двѣ, три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ, для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами

«люди проводят нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? Если у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете наслаждаться другъ другомъ и не знаете, какъ мило проводить дѣльные дни съ любезнымъ человекомъ, дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ расположеніи сердца. А если вы родители, то пренебрегаете одною изъ святѣйшихъ обязанностей человечества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его сердце порокъ и несчастіе. Сидя за клавесиномъ, среди блестящаго общества, ты, красавица, хочешь нравиться и поешь какъ малиновка; но малиновка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна попечительная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, если нехороши дѣти ея; а та, которая свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семейственнымъ, не можетъ назваться попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не виновна ли она передъ своимъ мужемъ, какъ скоро хочетъ нравиться другимъ? Что же иное

можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣютъ свою постепенность и переливы едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ только заслужить общее вниманіе или красотою, или любезностію, чтобы оправдать выборъ ея мужа, какъ думаетъ; а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь знатоку болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдныя дѣти!

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа *) говоритъ: *друзья! пойдѣмъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и счастья. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и друзей, а прочее оставимъ на произволь судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла, не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ, не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества, говорю я: *Англичане проступлены!* нѣтъ; но видя,

*) Кандида.

какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ счастьемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

Литература.

Литература англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности* и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной поэзіи (*Poésie descriptive*): французы и нѣмцы переняли сей родъ у англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ природы. Сень-Ламберъ лучше правится французамъ; но онъ въ своей поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь швейцарскимъ или шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, вся жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сень-Ламберъ кажется приятнымъ гостемъ природы, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ английскихъ поэтахъ есть

еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно английскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. — Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ британской поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова ода на музыку. Любопытно знать то, что поэма Мильтонова, въ которой столько прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокій пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣятаго челоуѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалося тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно

и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій гений *не можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательности приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ британскаго гения, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творить чудеса!

Еще повторяю: у англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировскій *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова гения. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и природы, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца британцевъ: имъ надобны ужасы и громы,

рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена: тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы англичанъ: *Grecian Daughter*, *Fair penitent*, *Jean Shore* и проч. трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою авторскаго таланта. — Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и карриатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Фукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ историческимъ триумвиратомъ Британіи *).

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не

*) Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

имѣть грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ англичанами нѣмы и глухи, то есть, ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ англійскій выговоръ и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у англичанъ рты связаны или на отверстіе ихъ положена министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводять зубы, свистять, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще англійскій языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма — богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить британской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученія и по большей части нравственные слова взяты изъ французскаго или изъ латинскаго, а коренные глаголы изъ нѣмецкаго. Римляне, саксонцы, датчане истребили и британскій народъ и языкъ ихъ; говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ, а смѣлость стихотворцевъ удивительна; но гармоніи и того, что въ реторикѣ называется *числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отрывистыя, фразы короткія, и

ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. — Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякой чуждой примѣси, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Вестминстеръ.

Славная *Вестминстерская* зала (Westminsterhall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Она считается самую огромнѣйшую въ Европѣ и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація англійскихъ монарховъ: въ ней бывають и чрезвычайныя засѣданія Верхняго парламента, когда онъ судитъ государственнаго пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, Hasting's trial, который уже 10 лѣтъ продолжается и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлерей, среди множества зрителей. Мы долго ждали.

Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ французскомъ кафтанѣ, съ кипюю бумага, а за нимъ Боркъ, сухощавый старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ адвокатами Борка и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ лордовъ. Отворились большія двери — судьи, члены Верхняго парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантияхъ, а духовные, то есть епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые... четыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его беззаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникѣ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги, а риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ лордовъ — слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки,

а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самаго. Гастингсъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькій, въ голубомъ французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ адвокатовъ, которые съ великою прилежностію записывали обвиненія, сидя подлѣ кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ челоѣчества, виноватъ; противъ Англии, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику англійскаго министерства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; тиранствовалъ, чтобы утвердить тамъ власть англичанъ и, стараясь умножать доходы Компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои — за что однагожь министры не предадутъ его въ жертву парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ челоѣколюбивъ у себя, а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азій едва не звѣрь, по крайней мѣрѣ съ людьми обходится такъ, какъ съ звѣрями; накопить денегъ, возвратится домой и кричить: *не тронь меня! я челоѣкъ!* Торжество англій-

скаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ публику, журналистовъ: лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякій дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ ораторскихъ движеній; много разительной логики, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе пѣтического жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ критики; а славный Боркъ уже старѣется. — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ каѳедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ адвокатовъ сказалъ перамъ: «Милорды! генералъ N. N. не успѣлъ представить отзыва «въ пользу нашего кліента; уѣхалъ въ свое «отечество въ Швейцарію, для поправленія «здоровья; но онъ скоро возвратится.» ... Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ го- «сподину генералу счастливаго пути и луч- «шаго здоровья!» Всѣ лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали — пошли домой.

Подлѣ Вестминстерской залы, въ остаткахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ *) при Генрихѣ VIII, собирается обыкновенно Верхній и Нижній парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываетъ никого, кромѣ членовъ; я могъ видѣть только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе испанской Армады. Въ концѣ залы возвышается королевскій тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ принцевъ крови; за трономъ сидятъ молодые лорды, которые не имѣютъ еще голоса; на правой сторонѣ епископы, противъ короля перы, герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что канцлеръ и ораторъ сидятъ на *шерстяныхъ шарахъ*: древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю почему), а шерсть суконныя англійскія фабрики, требующія вниманія лордовъ.

Зала Нижняго парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлерей. Каѳедры нѣтъ. Президентъ, называемый ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ клерковъ или секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ испанскихъ парикахъ и въ мантияхъ; всѣ прочіе въ обыкно-

*) Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ, какъ въ Лондонѣ.

венныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ и, снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ президенту, то есть къ оратору, который, подобно дядькѣ, унимаетъ ихъ, если они заговорятъ не-дѣло, и кричить: *to order! въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный го-«сподинъ, который говорилъ передо мною, «есть глупецъ» — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда отбраниваются, иногда отмалчиваются; а когда пойдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говорить хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, стучать ногами, шумятъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ: *hearken! слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа по полудню молитвою и продолжается иногда до двухъ за полночь. Разница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и англійскимъ парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклоняясь оратору, какъ школьному магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человекъ говорятъ когда нибудь; всѣ прочіе нѣмы; иные, можетъ быть, и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Ум-

ные министры правятъ, умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе дома ихъ, понимаю, какъ имъ можетъ недоставать и двухъ сотъ тысячъ дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русскій въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, англичанинъ экономитъ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей, не стыдится въ старомъ фракѣ итти пѣшкомъ обѣдать къ принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а если вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея — простой сервизъ — и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ старомодная пышность — разумѣется, что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда и картина, статуя, которою любовались художники въ Италиі, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *золотое руно* свое: почему, теряясь въ лабиринтъ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ вообразить себя Язономъ.

Я наименую вамъ только самые лучшіе изъ виденныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями — замокъ графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней архитектуры — герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромный въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ аллей — графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готическій эрмитажъ съ искусственными развалинами — графа Буккингамшира съ миловидными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — *Sion-House* герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе

украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальпола въ готическомъ вкусѣ — графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленныя аллеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримый амфитеатръ — Алдермана Томаса, называемый *naked beauty* — господина Бинга и Карю (*Carew*), гдѣ обширные сады, а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья, (что безпримѣрно въ Англіи). — Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерей со множествомъ другихъ произведеній искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ и которыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но пріѣхавъ въ Англію, я понялъ сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не члены парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. —

Вообще архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ английскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны, но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ, самыя лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею британскихъ королей и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ и называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ недостойнъ большаго вниманія, садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстѣ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатя долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ почеваль въ Ричмондѣ, но только однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть

большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и нельзя сравнять съ Виндзорскимъ, но который однакожь считается однимъ изъ лучшихъ въ Англійи. Величественныя деревья, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ. . . .

Я одинъ разъ былъ въ славномъ Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ китайское, арабское, турецкое перемѣшано съ греческимъ и римскимъ. Храмъ Беллоны и китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; арабская *Аламра* и *пагода*!

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твигнамъ (Twickenham), миловидную деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ философъ и стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, но мнѣ надобенъ былъ домъ поэта (принадлежащій теперь лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревьями, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась и подъ которою лю-

билъ думать философъ и мечтать стихотворецъ; я сорвалъ съ нея вѣточку на память.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская природа такъ не украшена, какъ въ Англии; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачный флегматическій британецъ съ жадностію глотаешь солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовый дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ, смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать, — садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ англичанъ, восхищался ими и воображалъ Англию самую пріятнѣйшею для сердца моего семлею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пан-

сіонеромъ профессора Ш*, читалъ я во время американской войны донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ! Родней, Гоу не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть англичаниномъ, — великодушнымъ, тоже, — чувствительнымъ, тоже; истиннымъ человѣкомъ, тоже. Романы, если не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ — но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Во первыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англии для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть счастливымъ, когда сердце довольно и радостно, но веселый климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхолии здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады, все это прекрасно въ Англии: но все это открыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко проглянетъ солнце и то не на-долго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто отсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: я уже давно не видался съ нимъ. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша, за то у насъ зимою бываютъ красные дни, которые

здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же англичанину не смотрѣть Сентяремъ?

Во вторыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. *Это волжанъ, покрытый льдомъ*, сказалъ мнѣ размѣявшись одинъ французскій эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любить изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ, любить игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушень, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремлений, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Ньютона, Локка, Гоббеса ничего не доказываетъ. Геніи рождаются во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ — и можно ли по справедливости сказать, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Кларису; здѣсь лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ

своего отечества и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчьи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ нельзя выразить смысла англійскаго слова *humour*, означающаго и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость*: изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость англичанъ видна развѣ только въ ихъ карриатурахъ, шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя карриатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерическій. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачныя, какъ туманы, которые носятся надъ стихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, если вамъ угодно, но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живаго слиянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны!... Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ англичанкахъ: онѣ милы своею красотою и чувствительностію, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и сча-

стія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мужчинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ и всегда помогутъ несчастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется несчастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздивъ изъ Лондона во Фландрію и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду и пакетботы никакъ не могли выйтти изъ нея. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ Каналъ, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый англичанинъ и молодой Парижскій купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый англичанинъ? дивился его безразсудности и, повторивъ нѣсколько разъ: *какъ можно на всякій случай не брать съ собою лишнихъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой французъ? высыпалъ на столъ свои лудоры

и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселы.* — «Государь мой! вы меня не знаете.» — Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностію лудоровъ 10 или 15 и хотѣлъ дать ему свой Лондонскій адресъ. Французъ не принялъ его, говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человекъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодѣянія, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго рода трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человекъ не можетъ быть въ нищетѣ: изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ недостойнъ лучшей доли* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпится и должна таиться! Ахъ! если хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ ницетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаеть онъ муку Тантала!... И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь...

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, зна-

комство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго *духа торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея отѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разотчено и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣйте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, *безразсуднаго* сердца. На примѣръ г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ является ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда хотите идти? что видѣть? съ кѣмъ познакомиться? я къ вашимъ услугамъ.» Отецъ его, будучи консуломъ въ Архипелагѣ, женился на гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаниями и который, разставаясь съ нимъ, всякій разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды — всего болѣе гордятся своею

конституцію. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши, но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы. На примѣръ, англійскій министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплеть деньгами, общается мѣста и члены парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скорого отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непременно бы лишился большинства голосовъ въ парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не конституція, а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ.* Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слышали о грубости здѣшняго народа

въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она помягчилась и учтивое имя frenchdog (французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть англичаниномъ, но еще лучше быть добрымъ чело­вѣкомъ. Французъ, нѣмецъ — мнѣ все одно; кто честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ; это былъ конечно вольнодумецъ между ними! Вообще англійскій народъ считаетъ насъ чужестранцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ* — что значить: «это бѣдный чело­вѣкъ или младенецъ.»

Кто думаетъ, что счастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душою. Вотъ англійскій *сплинъ*! Эту нравственную болѣзнь можно назвать и русскимъ именемъ: *скукою*, известною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, из-

лишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Чело­вѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и — зѣваетъ. Богатый англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотааетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ несчастливы отъ счастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленныя англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или *whim*? Чело­вѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ счастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый чело­вѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ, землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертый, отказывая себѣ

все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даетъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпный праздникъ, который стоитъ ему почти всего годоваго дохода. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «если въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*; а послѣднее нерѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, не противныхъ благу другихъ людей, производить въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для романистовъ. Другія европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки и все единообразное; англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — если бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ французовъ *) легкомысленными, итальянцевъ

*) Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: „англичане слишкомъ влажны, итальянцы слишкомъ сухи, а французы только сочны.“

коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычай народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ — въ чѣмъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нея безъ сожалѣнія.

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таково мое сердце; ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелецъ мой ежедневно истощался, становился легче, легче, звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ошупала въ немъ только двѣ гиней.... Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе, уговориться съ молодымъ капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его и, снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ русскій парикма-

херъ Ѳедоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою, Fedor Ooshakof, салить голову Лондонскимъ щеголямъ и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи экономическимъ крестьяниномъ и служить всёмъ Русскимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно прибранную, указалъ мнѣ постель, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорга, умерла на ней горячкою. Жеребій брошень, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постель и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеєю въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матросы желали капитану счастливаго пути и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучный вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ дугами, пар-

ками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію челоуѣческой. Берега Англій темнѣли...

Но у меня самаго въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится...

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ!... Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная... а капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постель, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это реторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не спибла меня въ то глубокое отверстіе корабля, гдѣ лежатъ острые якоря. Болѣзнь моя продолжалась три дня. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ — открываю глаза, не чувствую никакой тоски — едва вѣрю себѣ — встаю, одѣваюсь. Входитъ капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоритъ: «вѣтеръ утихъ; нѣтъ ни «малѣйшаго вѣянія? корабль ни съ мѣста:

«страшная тишина!» — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствія; корабль не шевелился; матросы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта!... Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мірѣ не было ничего кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не ѣвъ три дня и крайне не любя соленого мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми англійскіе мореходцы подчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому, пили его какъ воду и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!...

Опять страшный вѣтеръ, но попутный. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль,

что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живить и радуеть мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; читаю Оссіана и перевожу его (Картонъ*). Нынешняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на миллионы волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у капитана. «Можетъ быть какой нибудь несчастный корабль погибаетъ,» отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плователей.» Бѣдные! кто поможетъ имъ во мракѣ! Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мель; можетъ быть вода заливаеъ уже корабль ихъ!... Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слышали... Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. —

*) Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

Всѣ наши матросы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульный закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ, но матросовъ только 9 человѣкъ. — Я легъ спать въ три часа и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели!

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; что мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ, но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счета, книги, камешки, сухія травы и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ

писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ: а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самаго себя?... Почему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто приятное въ моихъ *эскизахъ*; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *китайскими* *тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

